

На правах рукописи

Федотова Татьяна Васильевна

**РУССКАЯ ТОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Улан-Удэ 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Ширшов Иван Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Супрун Василий Иванович

доктор филологических наук, профессор
Карабулатова Ирина Советовна

доктор филологических наук, доцент
Майоров Александр Петрович

Ведущая организация: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Защита состоится «02» марта 2012 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 022. 05 при ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» по адресу: г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24 а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Бурятского государственного университета по адресу: г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24 а.

Автореферат разослан « » января 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат педагогических наук

Судоплатова Г.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование представляет собой опыт комплексного исследования топонимической системы (русской топонимии) Забайкальского края с определением специфических черт регионального топонимикона.

Географические названия Восточного Забайкалья до настоящего времени подвергались исследованию в большей степени лишь фрагментарно: в описаниях путешествий русских экспедиций (Д.Г. Мессершмидта (1724), С.П. Крашенинникова, И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера (1735), И.Г. Георги и П.С. Палласа (1772), И. Сиверса (1791), М.А. Кастрена и В.В. Радлова (1845)); в топонимические заметках и этюдах Н. Щукина (1848), Р. Маака (1859), И.Д. Черского (1875), К. Риттера (1879), И.В. Щеглова (1884), Г.Н. Потанина (1890) и др. В XX-XXI вв. исследования по топонимии заметно активизируются: делаются попытки выявления основных принципов номинации топонимических названий, характерных особенностей местных географических терминов (П.Б. Балданжапов, Б.В. Башкуев, М.Н. Мельхеев, В.Ф. Балабанов, М. Кулыгин, А.И. Гурулев, Д. Цырендэшиев, А. Филинов, В. Цыбенков, В. Пищугин, В.И. Шмидт, П.А. Лесков, Р.Г. Жамсаранова, Л.В. Шулунова). Однако, несмотря на разнообразие подходов, период освоения Восточного Забайкалья русскими переселенцами и, соответственно, анализ их роли в развитии и изменении топонимической системы данного региона представлены фрагментарно.

Не вызывает сомнения факт, что основные пути становления топонимической системы любого региона во многом аналогичны, поскольку имя собственное – явление в большей мере социальное и, следовательно, включает в свой состав закономерности формирования как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Интегративное рассмотрение русской топонимии Восточного Забайкалья с позиций как системоцентрического, так и антропоцентрического направлений, позволяющих сочетать онтологический и ментальный подходы, способствует углубленному представлению внутренней формы топонима и его возможности в воссоздании фрагмента языковой картины мира. Многоаспектный подход к анализу системы русских топонимов региона во многом мотивируется необходимостью целенаправленного поиска элементов культуры, ценностных ориентиров русских первопоселенцев, возможностью выявления следов взаимодействия с местным населением.

Актуальность исследования обусловлена тем, что проведенные за последние годы описания топонимии края посвящены в большей степени субстратной топонимии, период же освоения Восточного Забайкалья русскими переселенцами не нашел своего отражения в исследованиях лингвистов. Данный факт явился главным мотивом попытки многоаспектной систематизации русской топонимии Забайкальского региона. Описание русской топонимии позволит установить не только особенности формирования и функционирования русского топонимикона, но и выявить дифференцирующие элементы системы географических имен как в синхронном, так и в диахронном аспектах.

Объектом исследования является топонимический материал русского происхождения, относящийся к периоду освоения территории Восточного Забайкалья русскими переселенцами, современный русский топонимикон Забайкальского края, а также субстратные и заимствованные топонимы с позиции их адаптации в условиях межъязыковых контактов.

Предметом исследования является языковая репрезентация историко-культурных фактов, повлиявших на процесс возникновения русской топонимии Забайкальского региона, и фактов психического и социального опыта человека в результате освоения нового пространства в географических названиях исследуемого региона.

Научная новизна исследования определяется тем, что осуществлен интегративный подход к топониму, включающий как структурный, так и когнитивный аспекты топонимической ситуации региона. Предпринятое исследование топонимического материала проводилось в двух направлениях: анализ языковой формы и интерпретация готовой языковой единицы, что дало возможность совмещения семасиологического и ономасиологического подходов при исследовании топонимической системы региона.

Новизной отличается и подход к топониму как к ментальной единице, основу которого составляют «перцептивные модусы» (Ружин 1994), позволяющие выделить когнитивные классификационные и дифференциальные признаки топонимов, репрезентирующих тот или иной концепт. Также впервые использован ономасиологический подход при анализе деривационных связей в топонимии Восточного Забайкалья, результатом чего явилось моделирование топонимической номинативной ситуации, позволяющей рассмотреть процесс деривации с позиции отражения элементов языковой картины мира.

Практическая и теоретическая значимость исследования заключается в том, что содержащийся в нем материал может быть использован в нескольких аспектах: 1) в качестве методической основы и сопоставительного материала при изучении топонимических систем других регионов; 2) в когнитивном аспекте: для создания общей картины восприятия географических объектов человеком; 3) в лексикографическом аспекте: в качестве материала для составления словарей различной направленности; 4) в профессиональном аспекте: при разработке вузовских спецкурсов, в учебной и краеведческой работе в школе как один из компонентов реализации регионального компонента при обучении русскому языку.

Цель диссертационной работы заключается в комплексном исследовании русской топонимии Восточного Забайкалья, включающем историко-лингвистический, когнитивный, структурно-словообразовательный аспекты, на основе выявления и описания источников и языковых механизмов создания русских географических названий Восточного Забайкалья как системного образования.

Для достижения этой цели предполагается решить следующие **задачи**:

1) установить основные черты топонимической системы Восточного Забайкалья с начала освоения региона и на современном этапе;

2) охарактеризовать субстратную и заимствованную топонимию Восточного Забайкалья с позиции ее взаимодействия с исконно русской топонимией и ее роли в формировании русской топонимии региона;

3) посредством актуализации когнитивного аспекта структурировать топонимическое пространство с позиций восприятия и идентификации его переселенцами в период освоения территории и выявить концептуальные основы формирования русской топонимической системы края;

4) проанализировать смысловое наполнение топонимических единиц на системобразующем уровне, опираясь на связь семантики топонима с процессом познания окружающей действительности;

5) интерпретировать основные источники номинации с целью выявления связи языковых категорий с категориями мышления и с именуемыми реалиями;

6) определить особенности отражения номинативной деятельности человека через описание деривационных процессов на основе имеющихся знаний об естественных связях между явлениями действительности;

7) произвести структурно-словообразовательный анализ русских географических наименований Восточного Забайкалья для выявления наиболее продуктивных моделей топонимообразования, свидетельствующих о структурной системности топонимического пространства региона.

Положения, выносимые на защиту.

1. Топонимическая система Восточного Забайкалья представляет собой исторически сложившееся единство и взаимосвязь топонимов той или иной территории, соотнесенных по какому-либо структурному и семантическому признаку, присутствующих в сознании носителей языка в виде организованного фрагмента языковой картины мира и призванных выполнять номинативную, указательную, коммуникативную, дифференцирующую, конкретизирующую функции.

2. Система русской топонимии Забайкальского края отражает результаты освоения территории путем «многослойной» миграции населения из разных областей России, принесшей свои языковые особенности, адаптации русских переселенцев как к суровым климатическим условиям, так и к чужой языковой среде.

3. Результаты процессов адаптации иноязычных имен на фонетическом, семантическом и морфологическом уровнях расширяют рамки иноязычного участия в формировании русской топонимической системы Восточного Забайкалья.

4. В процессе взаимодействия человека с географическими реалиями на разных уровнях познания (перцепция, практический и социально-культурный опыт) складывается определенная система образов, формирующих когнитивную картину мира переселенцев в период освоения новой территории.

5. Специфика восприятия пространства переселенцами обусловлена местными природными и ландшафтными особенностями края, деятельностью по его освоению. В качестве значимых концептов, отражающих сознание переселенцев при взаимодействии с объектами окружающей действительности и ее топонимизации, выступают *пространство, бытийная и бытовая ценность, актуаль-*

ность, что свидетельствует об особенностях ментальных образов «новых» сибиряков в период освоения незнакомой для них территории.

6. Семантическая системность топонимов Восточного Забайкалья обусловлена установкой носителя языка с позиции мировосприятия, специфичность которого репрезентирована в семантических полях: *пространственные характеристики, цветовые характеристики, слуховые характеристики, время образования, образность, отсутствие ценности объекта, окружающий растительный и животный мир, вода и почва, посессивность, семья, вероисповедание, память, идеологические мотивы, этническая принадлежность.*

7. Реализация идентифицирующей и дифференцирующей функций топонимов Забайкальского региона происходит при их синтагматической и парадигматической организованности, которая базируется на параметрах: рефлексии характера восприятия, общности свойств объектов, семантических связей внутри парадигмы названий одного объекта, территориальной общности. Результатом межтопонимических отношений является семантическая и морфемная вариативность топонимических единиц.

8. Реконструкция первоначальных мотивов номинации, выявление базовых единиц позволяет определить наиболее задействованные ресурсы для формирования топонимов Забайкальского региона и их роль в номинации объектов: *географическую терминологию, диалектизмы* как информационный показатель особенностей местного языка, жизни и быта аборигенов, значимость определенных объектов в жизни переселенцев; *антропонимы* как показатель бытийных и духовных ценностей (в большей степени старообрядцев), возникновение которых мотивировано такими причинами, как посессивность, меморативность, событийность, символичность.

9. Специфичность процесса деривации русских топонимов Забайкальского края с позиции отражения элементов языковой картины мира выявляется через моделирование номинативной ситуации, где учитываются такие компоненты, как *цель номинации, тип географического объекта, номинатора, историческое время, принципы номинации, естественность/искусственность номинации, мотивированность имени, синтагматические и парадигматические связи.*

10. Общность выявленных в различных группах топонимической лексики словообразовательных типов и моделей отражает как общерусские традиции и закономерности, характерные для образования географических наименований, так и отличительные черты (*конверсия, сочетание основ, продуктивность суффикса -их-* и др.), свидетельствующие о системности русской топонимии региона в деривационном аспекте.

Методы исследования. Комплексный характер исследования определяет свой круг методов и подходов, позволяющих наиболее детально рассмотреть топонимикон Забайкальского региона.

Топонимия любого региона рассматривается как многослойное образование, что предполагает использование при ее анализе в первую очередь синхронно-диахронного метода, позволяющего рассматривать номинативные единицы в динамике, с учетом неразрывной связи истории языка с историей его носителей.

В качестве основного метода используется описательный, предполагающий систематизацию материала в соответствии с задачами исследования и его последовательный анализ и описание. Данный метод предусматривает использование отдельных приемов, помогающих более детальной интерпретации топонимического материала: выявление исходного апеллятива или первичного имени собственного; прием формантного анализа; прием словообразовательного анализа; прием моделирования номинативной ситуации; прием выявления топонимических ареалов; прием концептуального анализа и элементы статистического анализа.

Материалы исследования. Исследовательская база представлена картотекой, составленной автором на основе анализа географических карт масштабом 1:100000 и включающей около 9000 топонимических единиц. Кроме того, были использованы сведения, извлеченные из документов, находящихся в Государственном архиве Забайкальского края (XVIII – XIX вв.); исторические и географические документы и исследования по освоению Сибири в целом и Забайкалья в частности; данные картотеки русских говоров Восточного Забайкалья, хранящиеся на кафедре русского языка и методики его преподавания Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского.

Апробация результатов исследования. По теме исследования опубликовано 50 статей, «Словарь топонимов Забайкалья» (Чита, 2003 – 128 с.), справочные материалы «Концептуальный мир топонимического пространства Забайкальского края» (Чита, 2009 – 136 с.), монография «Русская топонимия Забайкальского края: формирование, семантика, функционирование» (Новосибирск, 2010 – 256 с.), учебное пособие «Региональная топонимика: формирование топонимии Восточного Забайкалья» (Чита, 2007 – 117 с.). Материалы, составившие основу диссертации, являлись основой лекционных курсов по внедрению регионального компонента в процессе обучения русскому языку как в высшей школе (ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского), так и в учебных заведениях среднего и среднего профессионального образования г. Читы и Забайкальского края.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, 5 глав, заключения, списка сокращений, библиографического списка, приложения «Концептуальный мир русской топонимии Забайкальского края». Общий объем работы составляет 460 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, состояние ее научной разработанности, актуальность и научная новизна, определяются цель, задачи работы, устанавливается теоретическая и практическая значимость исследования, излагаются методы и подходы к интерпретации топонимического материала, характеризуются источники исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Системный подход при изучении топонимии Забайкальского края**» определяются ключевые понятия и основные признаки топонимической системы, анализируется обусловленность системной организации географических названий взаимосвязью факторов разного уровня. Представлены основные принципы номинации в русской топонимии региона.

Изучение региональной топонимии требует обоснования того факта, что географические названия представляют собой системное образование. Понятие топонимической системы можно считать достаточно сложившимся в отечественной ономастике, хотя существуют определенные расхождения в аспекте включения отдельных признаков и компонентов. Большинство лингвистов сходятся во мнении, что топонимическая система – это определенным образом организованная совокупность топонимов данного этноса для данного времени на данной территории (Н.В. Подольская, Ю.А. Карпенко, И.А. Воробьева, Э.М. Мурзаев, Н.К. Фролов и др.). А.В. Суперанская дополняет устоявшееся определение включением признака общности психологии населяющего территорию языкового коллектива, общности восприятия окружающей действительности (Суперанская 2007).

До недавнего времени топонимическая система анализировалась в основном в рамках традиционно-описательной лингвистики. Исходя из того, что определенное единство системы характеризуется общностью территории и языка, можно предполагать, что обращение к языковому сознанию носителей языка (ментальное бытие) также необходимо при определении понятия «топонимической системы». Это объясняется тем, что форма любой топонимической единицы с позиции когнитивной структуры всегда коррелирует с определенной словообразовательной моделью, с определенным лексическим содержанием.

Таким образом, идея топонимической системы с позиции ее функционально-пространственной параметризации вписывается в прежнюю теоретическую парадигму. Выделение признака «ментальность» дополняет и тем самым углубляет признак функциональности, так как исследование топонимического материала с позиции человеческого восприятия и сознания предполагает рассмотрение круга вопросов, связанных с современным функционированием наименований и их ролью в общении людей. Отсюда следует, что топонимическая система как часть общей языковой системы представляет собой исторически сложившееся единство и взаимосвязь топонимов той или иной территории, соотношенных по какому-либо структурному и/или семантическому признаку, присутствующих в сознании носителей языка в виде организованного фрагмента языковой картины мира и призванных выполнять номинативную, указательную, коммуникативную, дифференцирующую, конкретизирующую функции.

Каждая региональная топонимическая система обладает исторически сложившимся набором топонимов, отличающихся своеобразием семантико-словообразовательных средств языка. Топонимия Восточного Забайкалья в лингвистическом отношении репрезентирует названия русского, селькупского, самодийского, финно-угорского, тюркского, эвенкийского и монголо-бурятского происхождения.

Русская топонимия Восточного Забайкалья является наиболее поздним стратиграфическим слоем, отличающимся от русской топонимии других регионов. Исходя из того, что в понятие «топонимической системы», помимо территориальности и функциональности, мы включаем еще признак ментальности, то, соответственно, понятие «русская топонимия» рассматривалось в узком смысле, т.е. топонимы, образованные от русских корневых морфов с помощью словообразовательных средств русского языка, и обрусевшие названия, в том числе субстратные и заимствованные топонимы, фонетически, морфологически и семантически приспособившиеся к строю русского языка и не воспринимаемые русскими людьми в процессе речевого общения как слова инородные, а также являющиеся результатом вербализации языкового сознания носителей языка. Такое понимание русской топонимии позволит рассматривать языковую личность и языковую систему в их взаимосвязи. А объективация языкового сознания, отраженная в топонимах, невозможна без знания языка и соответственно без осознания мотивировки топонима.

В топонимическом отношении территория Забайкальского края делится на две части: территория прежней Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, ныне (с 2008 г.) имеющая наименование Забайкальского края. Территориальное разделение края соответствует условному разделению общей топонимической системы на параллельные. Так, районы первоначального бурятского заселения сохранили свою топонимическую систему без особых изменений. Русские названия в бурятских районах единичны. Топонимическая система любого региона вообще и Восточного Забайкалья в частности складывается на основе нескольких принципов: географического, исторического и лингвистического.

Читинская область и Агинский Бурятский округ (Забайкальский край) в современных границах образованы 26 сентября 1937 г. на основании Постановления ЦИК СССР «О разделении Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую области». Они занимают юго-восток Восточной Сибири, который чаще именуют Забайкальем. Площадь Забайкальского края и входящего в его состав Агинского Бурятского округа составляет 431,5 тыс. км² (из них 19,5 тыс. км² приходится на Агинский Бурятский автономный округ). Исследуемая топонимическая система охватывает всю территорию, именуемую Забайкальским краем.

Процесс российского территориального оформления и внедрения русской системы хозяйства за Байкалом начался в середине XVII в. и в основном завершился в первой трети XVIII в. В освоении Забайкалья принимали участие два потока переселенцев: легально-государственный и вольно-народный. Вплоть до второй половины XVII в. путь в Сибирь лежал через Северную Двину и Печору, поэтому и первые поселенцы Забайкалья в подавляющем большинстве прибыли с Русского Севера, главным образом из Поморья. С приходом русских начинается не только освоение новых земель, но и появление новых географических названий, что можно считать первым шагом к формированию русской топонимической системы.

Важным источником реконструкции прошлых связей населения Забайкальского региона являются данные местных говоров. В языковом отношении забайкальские русские говоры не представляют собой однородного образования, так как имеют различия в материнской основе и в ходе развития подвергались различным влияниям разной степени интенсивности. Появившиеся в Забайкалье в середине XVII в. русские положили основу будущего забайкальского старожильского населения, говоры которых и стали называться старожильскими. Они сформировались в первый период на диалектной основе севернорусских говоров и характеризуются совокупностью признаков, частью общих с русскими говорами северного наречия, а частью возникших в местных условиях в результате междиалектных и межъязыковых контактов.

В связи с переселенческой политикой Российского государства среди русского населения Забайкалья во второй половине XVIII в. выделилась локальная этноконфессиональная группа, получившая название «семейские». Семейские – это потомки старообрядцев (староверов), насильственно выселенных из бывших владений Польши. В результате формируются старообрядческие говоры (говоры семейских).

Таким образом, русские говоры Забайкалья – говоры вторичного образования, сформировавшиеся на диалектной основе говоров европейской части России. При утрате материнских диалектных особенностей, различающих забайкальские русские говоры, сохраняются некоторые наиболее устойчивые региональные элементы, которые становятся общими для обеих региональных подсистем и дают основание предположить формирование наддиалектного единства – забайкальского койне (региолекта).

Зависимость местных географических названий от диалекта – один из важнейших вопросов при исследовании топонимии любого региона, так как диалектная лексика и диалектная топонимическая лексика – материальная база узуальной топонимии; совокупность диалектонимии и топонимии определяют специфику русской региональной топонимии.

Помимо влияния говоров на формирование региональной топонимической системы, можно сказать о зависимости данного процесса от сложившейся языковой ситуации. В регионе наблюдается взаимодействие культур и двуязычие. На основе длительных контактов русских с коренными народами Забайкалья (бурятами и эвенками) шел интенсивный процесс взаимодействия этих языков, в результате чего можно говорить о явлении билингвизма (Любимова 2000).

Процесс междиалектного и межъязыкового взаимодействия не становится обыкновенным вытеснением одних слов другими, так как сложные взаимоотношения языков и форм определяются сознанием говорящего. Русские, заселяя новые места, используют лексику аборигенов не только в быту, но и в топонимии, принимая названия тех мест, куда они переселялись. Сложившееся двуязычие определяет своеобразие сформировавшейся топонимической системы. Это своеобразие характеризуется присутствием параллельных онимических систем. При этом данный параллелизм нельзя назвать абсолютным. Разноязычные, разнокультурные и хронологически разновременные (по происхождению), они

между тем имеют одну территорию, т.е. соответствуют одному из признаков топонимической системы. Формирующаяся русская топонимия Восточного Забайкалья накладывалась на уже существующую топонимическую систему аборигенных народов.

Как известно, существует два основных критерия выделения географических объектов: по их физическим свойствам и по роли в жизни человека и две основные линии номинации, идущие от свойств именуемых объектов и от характеристик людей, связанных с именуемыми объектами. Принципы номинации, характерные для русской топонимии Восточного Забайкалья, частично отражают вышеназванные принципы: 1) номинация как результат идентификации объектов в процессе восприятия (чувственного, эмоционального и т.д.); 2) номинация объекта как результат осознания собственной позиции номинатора в пространстве; 3) номинация в аспекте практической значимости; 4) номинация как результат осознания человеком уже существующих знаковых репрезентаций о социуме, культуре данного социума и т.п.

Анализ основных факторов формирования русской топонимической системы региона позволяет утверждать, что мотивировка любого топонима независимо от языковой принадлежности экстралингвистична, исторична и социальна.

Во вторую главу **«Исторические и лингвистические предпосылки формирования русской топонимической системы Восточного Забайкалья»** включен материал, дающий представление об особенностях региона в тех аспектах, которые позволяют увидеть специфические черты края, повлиявшие на формирование русской топонимии Восточного Забайкалья: географическая и историческая характеристика региона, рассматриваются основные аспекты взаимодействия иноязычных и исконно-русских топонимов.

Ввиду того, что исторически территория Восточного Забайкалья представляет собой пример внутрорегионального контактирования языков различных этносов, в исследованиях иноязычной и частично русской топонимии данного региона (Жамсаранова, Шулунова 2003) выделяются стратиграфические пласты, включающие «географические названия, объединенные предположительным языковым происхождением»: палеоазиатский субстрат, тюркоязычный пласт, угро-самодийский пласт, тунгусоязычный пласт, монголоязычный и славяноязычный пласты». В процессе исторического формирования и становления любой топонимической системы можно наблюдать взаимопроникновение и сосуществование генетически разнородных этнолингвистических наслоений, составляющих ядро имевших место в прошлом языковых контактов.

В XVII в., к приходу русских, на значительной территории Забайкалья проживали эвенки. Юг Забайкалья был заселен различными монголоязычными племенами, которые впоследствии сформировали бурятский этнос. Данный исторический факт во многом объясняет то, что в топонимической системе Восточного Забайкалья преобладают топонимы бурятского и эвенкийского происхождения. В результате этническая история забайкальского региона привела к национально-русскому двуязычию, что может стать условием и формой для взаимного влияния и обогащения. В то же время, так как русское население

области составляет 88,4 %, буряты – 4,8 %, эвенки – 0,1%, наблюдается последовательность напластований морфем, отражающих в метисных структурах своеобразную «хронологическую цепочку» перехода названия из одного языка в другой (Фролов 1991).

Правомерность обращения к субстратной и заимствованной топонимии мотивирована необходимостью рассмотрения влияния иноязычной лексики на формирование русской топонимической системы, а также тем фактом, что данная территория – пример внутрирегионального контактирования языков разных семей, что находит отражение в различных локальных группах говоров.

Коренная субстратная топонимия Восточного Забайкалья постепенно теряет свои отличительные черты. Местные названия трудны для произношения русскому человеку, да и количество их почти не увеличивается. Низкая плотность населения не способствует прочному закреплению нерусских топонимов: происходит адаптация иноязычных названий на всех уровнях языка, появляются русские топонимы.

Этимологический, структурно-словообразовательный и семантический методы анализа иноязычной топонимии позволяют говорить о нескольких путях адаптации субстратных наименований: 1) адаптация на фонетическом уровне (подмена фонем языка-источника фонемами принимающего языка, близкими по звучанию), часто приводящая к варьированию топонимов: р. *Джипкоша* - р. *Жипкоша* – р. *Жипкошин* – р. *Жипкеша*; 2) морфологическое освоение (грамматическая, грамматико-деривационная адаптация) - приобретение иноязычным топонимом грамматического рода или числа (*Бэрхэ* – *Бырка*, *Жипкос* – *Жипкоша*, *Зухыльтэ* – *Закультэ*); появление родового окончания, сопровождаемое присоединением суффикса (*Аршанка*, *Кусотка*, *Гонготка*, *Сундуйка*, *Талагайка*), или прибавление русской атрибутивной части к стречневому слову с иноязычной основой (р. *Малая Читканда*, пос. *Средний Закулитуй*); 3) семантическая адаптация: «народная этимология» (хр. *Яблоновый* от бур. *Ябленни-Даба*), калькирование (р. *Шебартуй* (*Грязнуха*), г. *Тологой* (*Голова*), руч. *Горхон* (*Ключ*)), возникновение гибридных названий (заимствование русскими говорами географического термина, утраченного впоследствии в качестве апеллятива, но зафиксированного топонимией: *елань* (тюрк.) - п. *Елань*, *ерник* (коми) - п. *Ерник*).

К следующим факторам, повлиявшим на формирование русской топонимической системы Забайкальского края, относятся исторические и лингвистические предпосылки.

Появление русских в Забайкальском регионе не вносило коренной ломки в структуру топонимии края, так как сам процесс заселения и присоединения Сибири к России был относительно мирным. Выделены четыре основных признака в поведении русских новопоселенцев относительно сложившейся топонимии региона: 1) переселенцы принимают топонимическую систему аборигенов без изменений; 2) создают свою топонимическую систему, прибегая при этом к лексическим и формантным средствам русского языка; 3) принимают топонимическую систему местного населения, адаптируя ее с точки зрения морфоло-

гии и фонетики, частично семантики; 4) осуществляют перенос географических названий из мест своего выхода.

Исходя из того, что заселение русскими первопроходцами происходит в уже существующие населенные пункты, следовательно, собственно русские названия относятся преимущественно к сравнительно мелким географическим объектам, которые к моменту прихода русских были безымянными или имели неустойчивые названия. Исключения составляют поселения пашенных крестьян: основанные крестьянами деревни получают русские личноименные названия (чаще по именам основателей): *Бочкарево, Бронниково, Лонишаково, Лукино, Лесково* и т.п., которые затем разрослись в крупные села. Позднее это станет одной из традиций в топонимии Забайкалья.

Русская топонимия XVII – XIX вв. характеризуется следующими признаками: 1) происхождение многих русских топонимов связано с именами и фамилиями первопоселенцев, основателей поселения; 2) окружающий ландшафт представлял важное значение и служил мотивом для наименования пункта поселения: *Ключи, Засопочный, Горный, Заречный*; 3) тяжесть перенесения трудных условий жизни способствовала росту названий, связанных с именами святых или названиями церковных праздников: *Воздвиженский, Покровский, Явленская, Ново-Троицкая, Стретенская*; 4) получает распространение использование в качестве названия имени известного государственного либо местного деятеля: *Палласа, Черского, Александровское, Клочка*; 5) появляются названия, в которых отразились черты социального расслоения общества: *Казаковский, Поповский, Княже-Поселье, Атамановск*.

Наименования, оставшиеся до революции, практически не меняются. Но политические процессы, происходящие в стране, начинают накладывать свой отпечаток на отношение местного населения к уже существующим названиям. Отсутствие какой бы то ни было мотивировки у иноязычных наименований с позиции русского человека значительно затрудняло использование топонима с его основной ориентирующей и другими функциями. В этот период в топонимии региона наблюдается процесс активного переименования населенных пунктов. Данный факт нередко квалифицируют как период «топографической анархии» (Никитин 2005). Соответственно, меняется и соотношение иноязычных и русских топонимов: русских названий уже не 28%, как в XIX в., а 40,9%, что служит подтверждением процессу «обрусения» местной аборигенной топонимии. Новым веянием для этого времени явилось переименование населенных пунктов в честь революционных деятелей и событий того периода: *Калинино (Монастырское), Чернышевск (Поповское), Волочаевка (Покровское)* и др.

К основным признакам, характерным для топонимии в послереволюционный период, добавляется еще несколько: 1) «обнаруживается стремление придать форме повышенное значение, что находится в связи с общим повышенным настроением и энтузиазмом эпохи» (Селищев 1968): *Единение, Заря, Юбилейный*; 2) после смерти В.И. Ленина с целью увековечивания его имени появляются такие ойконимы, как *Ленинск, Ленинское*; 3) в-третьих, появляются названия с атрибутивом Красный в значении «советский»: *Красный Великан*.

На сегодняшний день топонимикон региона включает ориентировочно 9050 ед.// заим.: 5334 ед. (59%) // русских: 3716 ед. (41%). Анализ русской топонимии на территории Забайкальского края с позиции ареальной характеристики и устойчивости показывает, что основная причина преобладания топонимов того или иного происхождения – национальный состав, количественное преобладание населения определенного происхождения. В данный период районы первоначального бурятского населения сохранили свою топонимическую систему без особых изменений. В районах с эвенкийским населением сложилась ситуация в пользу увеличения русских названий, что связано с уменьшением численности эвенкийского населения.

Третья глава работы **«Концептуальные основы формирования русской топонимической системы Восточного Забайкалья»** посвящена описанию региональной топонимической системы с когнитивных позиций с целью получения информации об особенностях восприятия субъектом номинации объектов действительности, их идентификации и интерпретации, а также определения системы приоритетов номинатора.

Исходя из основных признаков топонимической системы, можно утверждать, что базовый признак, объединяющий топонимы региона, находится за пределами языковой системы. Таким признаком можно считать ментальный компонент. Следовательно, анализ языка в его тесной взаимосвязи с ментальной деятельностью человека предполагает соотнесение языковых и мыслительных структур.

Анализ топонимического материала с позиций когнитивной лингвистики может быть обусловлен и тем фактом, что «образ человека» реконструируется исключительно на основании языковых данных (Апресян 1995), а топонимы, в свою очередь, фиксируют отражение географической действительности в сознании человека. Это позволяет выявить специфику как в восприятии и представлении пространства у русских переселенцев, так и особенности рефлексивного отражения действительности в процессе идентификации географических объектов.

В то же время когнитивные процессы, не зависящие от отражательных процессов, опираются на классифицирующую способность сознания, которая позволяет выбирать в процессе номинации такие признаки структуриации реального мира, как прагматическое отношение к объекту, ориентация на объективное представление о времени, социальный и духовный уровень общества, отражающие степень категориальной дифференцированности сознания индивида.

Процессы, лежащие в основе номинации, входят в число «основных систем, из которых складывается человек» (Апресян 1995): физическое восприятие, интеллектуальные действия, эмоции и т.д. Безусловно, разные системы человека в разной мере автономны и в разной мере взаимодействуют друг с другом. Но также очевиден факт, что при номинации объектов первично восприятие, в результате которого приходят в действие другие системы. В процессе топонимизации данная система отношений представлена тремя основными уровнями взаимодействия субъекта с окружающим его миром. Первый уровень опирается

на чувственное восприятие объекта; полученные образы – результаты зрительного, слухового, вкусового восприятия. Второй уровень – результат деятельности субъекта, определенный когнитивный опыт, полученный в результате этой деятельности. Третий уровень – результат осознания соответствия имени в социокультурном аспекте.

Такой подход к процессу анализа топонимов является основой категоризации пространства, выделению концептов с присущими каждому из них классификационными и дифференциальными признаками. В качестве «рабочего» было принято следующее определение концепта: *элемент языковой (топонимической) картины мира, образованный в результате структуризации процессов познания окружающей действительности и осмысления значимых фрагментов жизненного опыта человека в темпоральных, пространственных, эмоциональных и социальных координатах, отражающих особенности регионального менталитета.*

Модель концепта в топонимической картине мира имеет несколько иные аспекты его формирования, чем традиционно понимаемый концепт в языковой картине мира. Формирование концепта в топонимическом пространстве происходит через восприятие действительности, выделение индивидуализирующих признаков через соотнесение с определенным физическим стандартом, временем, человеком и его участием, связанным с данным объектом, формирование образа с последующей вербализацией признаков объекта через имя собственное (топоним). Следовательно, для рассмотрения сформированных концептов необходим поэтапный анализ формирования концепта: 1) уровни восприятия человеком окружающей действительности; 2) индивидуализирующие признаки объектов; 3) объединение сходных признаков; 4) сформированные образы; 4) номинативные средства языка для репрезентации концептов.

1) Номинация объекта *на уровне перцепции* формируется на первоначальном выделении приоритетных признаков, привлечших внимание человека через органы чувств. В результате складывается так называемый *перцептивный образ* объекта географического объекта. Формирование концептов происходит через анализ мотивировочных признаков топонима, полученных в зависимости от того, какой модус перцепции играет в восприятии преобладающую роль. Процесс восприятия сопровождается процессом идентификации объектов, который устанавливает тождество объекта самому себе путем сопоставления свойств, признаков, фактов, данных в непосредственном наблюдении или поступающих по каналам информации, со сведениями или впечатлениями, вытекающими из прошлого опыта.

Визуальное восприятие. К первому этапу следует отнести процесс «визуальной идентификации объекта». Знание о пространственном положении объекта включает информацию о его форме, размере, соотнесенности с другими объектами по расположению.

Кроме того, номинация может происходить в результате соотношения объектов по их порядковому расположению и количеству, что свидетельствует об определенном распределении объектов в пространстве по отношению к челове-

ку. Порядковые числительные в таких топонимах в основном образуют соотносительные ряды: *первый – второй, первый – второй – третий*.

Данные пространственные параметры формируются на основе признаков, полученных из внутренней формы топонимов и, соответственно, идентичных с непосредственными признаками объекта:

- расположение: верхний (44), нижний (45), дальний (17), ближний (9), правый (22), левый (30), средний (13), поперечный (20), северный (14), южный (10), восточный (8), западный (5), перевальный (12), находящийся под чем-то (17), находящийся возле другого объекта, внутри объекта, на его территории (37) (*оз. Нижнее, руч. Южный Прямой, п. Поворотная, р. Северная* и др.);

- форма: кривой (33), прямой (26), круглый (10), перекрестный (30), раздваивающийся (17), крутой (15), пологий (8), извилистый (2), острый (10) (*п. Кривая, оз. Крестовое, п. Кручина, соп. Острая, руч. Угловой* и др.);

- размер: большой (83), маленький, малый (61), широкий (41), длинный / долгий (22), толстый (7), высокий (2) (*р. Большая Речка, руч. Широкий, оз. Долгое, хр. Тонкая Грива* и др.);

- число: первый (20), второй (19), третий (7), четвертый (1), восьмой (1), два (1), три (3), семь (8), двенадцать (1) (*р. Первая Речка, руч. Второй Симоновский, ур. Четвертый Луг* и др.).

К визуальному восприятию относится и цветовое восприятие. Все цвета обладают четкими характеристиками, выводимыми из их положения в цветовом пространстве: белый (24), черный, темный (13), зеленый (6), красный (13), желтый (2), рябой (4), синий (2) (*р. Черная, р. Зеленая Коса, р. Красный Яр, г. Синяха* и др.).

Слуховое восприятие. Помимо перечисленных признаков, русские переселенцы при выборе мотивирующего признака для номинации отдавали предпочтение и таким свойствам объекта, которые проявляются при слуховом его восприятии. Этот признак кладется в основу гидронимов, т.к. из всех географических объектов в основном водоемы, имеющие различный характер течения, могут идентифицироваться на уровне слуха. Оронимы и ойконимы получили название в результате близости расположения географических объектов к водному источнику. Приоритетными являются следующие признаки: громкий (12), тихий (2) (*р. Громатуха, п. Звениха, р. Шумиловка* и др.).

Первый уровень взаимодействия субъекта с окружающим миром (визуальное и слуховое восприятие пространства) позволяет говорить о существовании ряда концептов, вербализацией которых являются топонимы. К этим концептам относятся «**Пространство**», «**Число**», «**Цвет**», «**Звук**».

2) Номинация объекта с позиции его первичного восприятия может происходить и в результате **метафорического осмысления признаков**. В данном случае можно говорить о формировании **метафорического образа**, сопровождающегося соотнесением определенных признаков географического объекта с объектами мира человека: с предметами неживой природы, с живыми существами, с эмоциональными переживаниями. Выделенный в данном случае концепт «**Эмоции**» формируется на таких параметрах, как эталон, опыт и оценка, отра-

жающие тот базисный мотив, который явился толчком к сравнению признаков/состояний объекта и миром человека

Параметр «эталон» является результатом установления ассоциативных связей двух предметных образов и представлен в топонимах, которые являются мотивирующими в аспекте воплощения признака в названии: форма, размер, цвет, местоположение и т.п. Это могут быть ассоциации с неживой природой, с предметами быта человека, домашних животных и частей их тела, частей тела человека, с человеческими качествами, отождествление с географическими объектами мира (по физическим параметрам): *оз. Лягушка, г. Кочерга, г. Лысая, оз. Поросенок* и др.

Параметр «опыт» является результатом образного отождествления географической реалии, сформированном на основе накопленного опыта практической деятельности. В основу имени кладутся как реальные события, произошедшие в данном месте, так и религиозные, фольклорные мотивы, идентичные по признаковому наполнению с воспринимаемым объектом: ассоциации с неким отрицательным опытом, переживанием человека; ассоциации с определенным позитивным настроением человека (*п. Худая, г. Убиенная, р. Опасная, р. Дурман, пос. Надежный* и др.).

Параметр «оценка» интерпретируется только с позиции эмоционально-оценочного восприятия номинатора. Это прежде всего ассоциации, созданные народной фантазией, навеянные символами народной религии и национальных обрядов: ассоциации со сказочными персонажами, религиозные ассоциации (*оз. Чертово, г. Шайтан Сопка, п. Большая Лешакова* и др.). Наименования в данном случае включают в свое значение указание на различные эмоциональные состояния субъекта в момент восприятия, идентификации и номинации объекта.

3) По форме существования материи номинация объекта может осуществляться с позиции **восприятия объекта в соответствии со временем его образования (освоенности)**. Данный процесс сопровождается характеристикой объекта с позиции осознания абстрактных величин, т.е. связан с возникновением в сознании человека *темпорального образа*.

Однозначное определение времени предполагает постоянную отправную точку, от которой ведется счет. Время в ситуации топонимической номинации характеризуется посредством двух параметров: период, разделяющий два события; переход от прошлого к настоящему. Данные параметры могут репрезентироваться только по признаку соотношения по времени образования: старый (5), новый (17) (*ур. Старые Озера, с. Старый Город, ст. Новая, с. Новоказачинск* и др.).

Признаки «новый - старый» чаще характерны для ойконимов, в редких случаях - среди гидронимов и оронимов (результат временного соответствия топонима - высыхание озера, возникновение искусственного водоема, старая дорога и т.п.). Концепт «**Время**» отражает взаимодействие человека с несколькими разновременными по функционированию объектами.

4) Выбор участков для заселения предполагал тщательное исследование местности. Акт номинации происходил из расчета наличия или отсутствия хозяйственной пригодности объекта (второй уровень). В данном случае процесс номинации происходит с позиции *осмысления опыта взаимодействия с объектом в аспекте практического использования*. В результате этого формируется *утилитарный образ*. Номинация в данном случае носит чисто прагматический характер, и весь процесс именованья заключается в фиксировании тех черт географического объекта, которые могут быть использованы в хозяйственной деятельности переселенцев.

Выделение жизненно важных, ценностных ориентиров для ведения хозяйства основывалось по нескольким параметрам: влияние климатических условий, характер почвы, характер воды, богатство флоры и фауны и т.п. Выделенные признаки выступают неким знаком для человека в его хозяйственной деятельности. Информативная значимость топонима в этом аспекте имеет прагматическую направленность, позитивную либо негативную. Концепт **«Бытийная ценность»** является основой формирования топонимов, указывающих на характеристику воды и почвы; **«Бытовая ценность»** - это флора и фауна (Дмитриева 2000).

Вода и почва. Первоначальное заселение шло исключительно по рекам, т.к. их долины имели наиболее плодородные почвы, что было важно для развития земледелия. Реки выполняли и другие функции: использование воды в пищу, в хозяйственных нуждах, рыболовство. Возможность использования объекта в зависимости от климатических условий имела первостепенное значение. Отличительными параметрами считались: преобладание ясных или пасмурных дней, степень загрязненности объекта, минерализация, скопление солей, проточность, температурный режим, водный режим, содержание полезных ископаемых. Характеристика воды и почвы в указанных параметрах представлена следующими признаками: грязный, гнилой (31), чистый (3), непроточный (16), минерализованный (35), кислый (8), незамерзающий (16), холодный (10), солнечный (6), пасмурный (1), сухой (43), мокрый (8), быстрый (5), спокойный (2), неровный (57), ровный (7), содержащий полезные ископаемые (47), удобство пути (11), отсутствие ценности как результат определенного действия (7), сезонные работы (36), использование объекта в хозяйственных работах (62) (*р. Грязнуха, руч. Чистый, руч. Солёный, руч. Талый, ст. Ясная, р. Каменушка, руч. Ездоровый Ключ, г. Погорелка, руч. Сенокосный, ст. Оловянная, с. Смоленка* и др.).

Земледелие и скотоводство у забайкальских крестьян сочетались с домашними промыслами (охотой, добычей кедровых орехов, заготовкой дров и строевого леса). Образ жизни человека, осваивающего новое для него пространство, способствует тому, что все неизвестные ранее топообъекты, по мнению некоторых лингвистов (Л.М. Дмитриева, М.Э. Рут и др.), оцениваются номинатором прежде всего с точки зрения возможности их практического использования. К ценностям объекта, помимо воды и почвы, относятся и такие свойства, как богатство флоры и фауны.

Флора. Восприятие человеком растительного мира края было связано прежде всего с практическими целями: лес – ресурс для постройки жилья, ягоды и грибы – пищевой ресурс, полезные растения – лекарственные, декоративные, кормовые, витаминные и другие ресурсы. Этой причиной объясняется высокая продуктивность фитотопонимов. Для топонимов, обозначающих флору региона, характерен принцип отражения в них названий растений, наиболее сконцентрированных в каком-либо месте. Сюда относятся параметры: пригодность для строительства, пищевая ценность, лекарственная (витаминная) ценность, кормовой ресурс, отсутствие пригодности. Данные параметры отражают признаки, характеризующие объекты в аспекте преобладания определенного вида растительности: сосна (40), береза (70), лиственница (16), осина (16), ель (10), кедр (3), пихта (2), тополь (3), мох (5), ягода (62), лук (8), орех (2), трава (6), конопля (3), сарана (3), (*п. Листвяная, п. Ягодная, р. Рябиновка, г. Орешная, р. Березовка, п. Сосновка* и др.).

Фауна. Большая площадь, сложный рельеф, расположение на стыке природных зон обусловили разнообразие фауны Забайкальского края. В крае широко были распространены охота, рыболовство. Основными параметрами процесса номинации являются такие, как ценный (пушной) промысел, пищевой промысел (в том числе птица и рыба), хищные и опасные животные, домашние животные и птицы (в том числе непромысловые) и др. Данные параметры включают признаки, характеризующие объекты в аспекте преобладания определенного вида животного мира: соболь (6), заяц (9), хорек (3), лиса (2), россомаха (1), белка (1), лось (9), олень (7), кабан (3), дикая лошадь (2), собака (4), бык (2), поросенок (2), тетерев (4), утка (4), лебедь (3), гагара (2), сокол (2), ворона (4), щука (2), окунь (4), карась (3), карп (3) (*р. Соболевка, оз. Лебяжье, оз. Сохатиное, с. Тетеркин Ключ, оз. Карповские, руч. Заячий* и др.).

5) Номинация объекта также происходила при отсутствии какого-либо опыта, знаний об объекте либо при отсутствии у объекта отличительных признаков на всех уровнях восприятия, т.е. по признаку **неосвоенности/малоосвоенности пространства**. «Значение – это взаимоотношение имени и смысла, которые способны вызывать друг друга в сознании человека (Суперанская 2007). Отсутствие этой связи имеет свою интерпретацию и формирует в сознании человека *нейтральный, неопределенный образ*.

Топонимы, репрезентирующие данный образ, могут быть интерпретированы следующим образом: 1) объект не имеет отличительных черт ни по расположению относительно других объектов, ни по форме, ни по каким-либо другим категориям, формирующимся в результате различных видов восприятия; 2) человек не зафиксировал данный объект с точки зрения хозяйственной пригодности; 3) объект не «заслуживает внимания» в аспекте присвоения ему какого-либо меморативного имени и т.п. В данном случае целесообразно выделение самостоятельного концепта «**Нейтральность**», где основополагающим мотивом выступает осознание отсутствия значимости объекта во всех названных аспектах. Объект в данном случае характеризовался по признакам: ничем не примеча-

тельный (21), неизвестный (4) (*р. Безымянная, руч. Неизвестный, ур. Безымянка и др.*).

б) Номинация объекта – это не только непосредственный результат взаимодействия человека и окружающей действительности, но и отражение в имени объекта информации о человеке в связи с его экономической деятельностью, социальным положением, родом занятий, вероисповеданием (третий уровень), т.е. восприятие объекта сопровождается процессом соотнесенности этого объекта с определенным лицом, с духовно-ценностной деятельностью самого номинатора. Иначе говоря, номинация основывалась **на соответствии имени в социокультурном аспекте**, результатом чего являлся *социокультурный образ*.

Параметрами для оценки географического объекта с этой стороны выступают следующие: владельческая принадлежность объекта, имя основателя, степень проникновения религии во все сферы бытия человека, стремление сохранить историческую преемственность поколений, отразить значимость семьи как социальной ценности, показать этническую принадлежность живущих на территории народов, отразить идеологические мотивы той или иной эпохи. Причем выбранный параметр для номинации объекта был особенно актуален в определенный период освоения пространства. В результате осмысления заданных параметров можно говорить о существовании концепта «**Актуальность**», основанного на социокультурной детерминированности, проявляющейся в социальной релевантности актуальных ментальных и языковых единиц, их адекватности конкретным социальным условиям и системе базисных ценностей социума (Черникова 2007).

Посессивность. Посессивные, или владельческие, названия были традиционными для всей территории России. Стереотип владельческой принадлежности объекта определенному лицу в языковом сознании был доминирующим (треть всех русских топонимов – посессивные наименования). В основу названия брался антропоним: имя или фамилия. Соответственно, в качестве основных признаков выступали такие, как: отфамильные посессивы, отыменные посессивы, отапеллятивные посессивы (*ст. Ксеньевская, п. Ванькина, р. Пронькина, руч. Русанов, с. Шишкино и др.*).

Религия (вера). Традиция обращения к агиониму в качестве именованного географического объекта приобрела наибольшее распространение в связи с проникновением религии во все сферы жизни человека. Отагиотопонимы возникали чаще всего как знак присутствия в данном населенном пункте церкви. Объект в данном случае характеризовался по следующим признакам: отагиотопонимное имя, апеллятивное название религиозной семантики (*руч. Троицкий, с. Архангельское, с. Преображенка и др.*).

Память. Восприятие объекта часто сопровождается процессом соотнесения объекта с деятельностью определенного человека, связанного с данным объектом либо внесшего свой вклад в развитие региона или страны в целом. Номинация географического объекта в данном случае мотивируется стремлением сохранить историческую преемственность поколений. Параметрами для такого типа объектов выступали следующие: значимость деятельности определенного

человека, исторические события регионального и мирового масштаба. Объект характеризовался на основании социокультурной детерминированности, связанной с именами известных деятелей науки, искусства, политики, со знаменательными событиями в жизни страны (*пос. Ленинский, с. Калинино, г. Палласа, пос. Первомайский*).

Семья как социальная ценность. Возникновение топонимов с подобной семантикой напрямую связано с переселением старообрядцев, для которых семья была главной ценностной составляющей. Мотивировка номинации в таком аспекте отражала стремление семейских запечатлеть свое понятие ценностей жизни в наименованиях географических объектов. В качестве признаков выступают степени родства, уровень родственных отношений (*руч. Семейский Ключ, п. Родственная, г. Сестричка, руч. Сестреница* и др.).

Этнос. Вплоть до XIX в. у русского населения Сибири отсутствовало самоназвание. В результате постоянного притока переселенцев происходило формирование русского субэтнуса Сибири. При этом понятие «русский» в большей степени обозначало не этнокультурную, а национальную принадлежность, с чем связано отражение в топонимах обозначение других наций. Соответственно, параметры для обозначения объектов с названных позиций отражали отношение к русской или другой нации. Отсюда и основные признаки: русский, нерусский (*р. Монголка, г. Корейская, р. Нижние Москали, п. Тунгуска* и др.).

Идеология. Использование в качестве имен географических объектов названий, имеющих отношение к социальному устройству, также имеет относительное постоянство в процессе топонимобразования. Параметрами выступают признаки, указывающие на социальное расслоение того временного отрезка, социальные преобразования и настроения в период переустройства общества: атрибуты советской идеологии, идеологический настрой общества (*руч. Пролетарский, п. Государева, с. Большевик, с. Комсомольское* и др.).

Выделение концептов на основе соответствующих признаков, репрезентированных определенными топонимами, позволяет утверждать, что анализ связи ментальных явлений с их вербальным выражением для топонимии любого региона – это создание фрагмента топонимической картины мира, точнее - топонимической системы в ее ментальном бытии.

Для мотивации топонимов очевиден тот факт, что вероятностный характер семантики топонимов предполагает множество мотивировок, выражающих синкретичность значения в исходной ситуации наименования. Интерпретации таких наименований зависят от ряда причин: наличие коррелятивных пар, традиционное представление об объекте, исторические условия, эмоциональное состояние человека в определенной ситуации, предшествующий опыт взаимодействия с тем или иным объектом. Контаминация дифференциальных признаков при этом может происходить как внутри концепта («Пространство» = расположение + размер); так и между концептами («Цвет» = «Бытийная ценность» + «Эмоции»; и т.п.). Следовательно, подача информации об объектах действительности в топонимической номинации может происходить в различных вариантах, одни из которых воспринимаются в качестве первичных, другие – вто-

ричны по отношению к географической реалии и зависят от рефлексивного восприятия названия, от актуальности его для языкового сознания.

Анализ фактического материала показал, что подход к топонимии в аспекте когнитивизма дает возможность представить ментальную деятельность человека в процессе освоения нового для него пространства, способствует наибольшему пониманию природы языка и пониманию человеком мира.

В четвертой главе «**Семантическая системность русских топонимов Восточного Забайкалья**» анализируется семантическая структура русской региональной топонимии, смысловые связи и отношения внутри и вне топонимической системы.

Одним из показателей системного характера топонимии является семантическое наполнение топонима. Мотивация является неотъемлемой частью акта создания слова, где взаимодействуют общие закономерности создания и функционирования слова. Одним из проявлений системности топонимической лексики данного региона является смысловое взаимодействие топонимических единиц на различных уровнях: 1) уровень восприятия способствует активизации лексем определенного семантического поля; 2) семантическое поле требует привлечения определенной группы лексики для вербализации необходимой семантики, заключенной в объекте; 3) топонимические единицы взаимосвязаны синтагматическими и парадигматическими отношениями.

Связь семантики топонима с процессом познания окружающей действительности подтверждает взаимообусловленную системность топонимии на ментальном и семантическом уровнях. Данную взаимосвязь можно представить в виде иерархической цепочки: *топоним (внутренняя форма) → выявление индивидуализирующих признаков → соотношение признаков с уровнем восприятия → форма вербализации признаков → формирование семантического поля → синтагматические и парадигматические связи топонимов.*

Определяющим моментом для выбора мотивирующей лексики являются этапы взаимодействия человека с объектами окружающей действительности. На основе уровней взаимодействия с объектом выделены соответствующие *средства выражения*:

1. На первом (перцептивном) уровне признаки визуальной и слуховой идентификации географических объектов могут быть репрезентированы отадеквативными, отсубстантивными единицами, девербативами и квантитативами, содержащими пространственную, цветовую и звуковую семантику: оз. *Нижнее*, р. *Дальняя*, п. *Закаменье*, р. *Подголецная*, оз. *Зеленое*, р. *Красный Мыс*, утес *Красный*, р. *Громатуха*, п. *Звениха*, руч. *Тихий*, р. *Первая Речка*, р. *Второй Ключ*, ур. *Третье Сухое*.

2. Второй уровень, включающий результат практической деятельности субъекта, репрезентируется отадеквативными, отсубстантивными единицами и девербативами с временной, рельефно-ландшафтной и квалификативной семантикой, отзоонимными и отфитонимными единицами, а также квалификативными названиями нейтральной семантики: п. *Старый Тракт*, пос. *Новоорловск*, р. *Грязнуха*, руч. *Чистый*, оз. *Соленое*, ст. *Ясная*, п. *Пасмурная*, руч. *Болотистый*,

руч. *Кочковатый*, р. *Каменушка*, р. *Ямная*, руч. *Песчанский*, оз. *Шерловое*, р. *Мельничная*, п. *Жерновка*, р. *Ходовая*, г. *Постоялка*, руч. *Сенокосный*, р. *Оленья*, руч. *Кабаний Ключ*, оз. *Окуневое*, оз. *Карасиное*, р. *Карповка*, прот. *Сомовая*, р. *Осиновая*, р. *Еловочка*, г. *Кедровик*, п. *Пихтовая*, руч. *Моховой*, р. *Луковая*, пос. *Багульный*, р. *Речка*, руч. *Ручей*, кл. *Ключ*, ур. *Долина*.

3) Третий уровень как результат культурно-социального взаимодействия субъекта с окружающим миром предполагает вербализацию признаков объекта через их соответствие с определенным именем либо апеллятивом социальной направленности. Названные признаки репрезентированы отантропонимными единицами с христианским полным личным именем в основе в форме И.п., Р.п. (в том числе гипокористическим), патронимическим (матронимическим) именем, фамилией в основе, отантропонимными единицами в составе поликомпонентного топонима, а также отхрононимами, отагионимами, отэтнонимами и оттопонимными единицами религиозно-посессивной и исторической семантики: р. *Алексей*, оз. *Иван*, р. *Сидорка*, ур. *Капиталинка*, п. *Кирюшина*, р. *Гришкина*, р. *Ваниха*, р. *Павлиха*, г. *Павловская*, хр. *Николаевский*, руч. *Мотин Ключ*, с. *Родькина Падь*, оз. *Мальцевы*, руч. *Новиковский*, с. *Кутузовка*, п. *Жилкин Хутор*, пер. *60 лет СССР*, г. *Церковная*, п. *Баронская*, с. *Преображенка*, г. *Богова*, руч. *Партизанский*, ст. *Бурятская*, с. *Единение*, с. *Заря*.

4) Уровень метафорического осмысления действительности, являющийся универсальным для всех этапов взаимодействия с объектом, репрезентируется лексемами, обозначающими те предметы, явления, с которыми ассоциируется объект географической реальности в эмоциональном аспекте: отсубстантивными и отаффективными единицами с пространственной, фольклорной, негативной или благоприятной семантикой, а также отражающие символические ассоциации: оз. *Байкал*, г. *Карпаты*, п. *Камчатка*, оз. *Штаны*, р. *Кочерга*, п. *Ременная*, ур. *Ложки*, р. *Король*, пер. *Семь Гномов*, п. *Разбойники*, пос. *Бедовый*, дол. *Смерти*, оз. *Благодатное*, пос. *Надежный*, пер. *Москва*, пер. *Новосибирцев*.

Специфические черты репрезентированы в топонимии Восточного Забайкалья в семантических (мотивационных) полях: *пространственные характеристики, цветовые характеристики, звуковые характеристики, время образования, образность, отсутствие ценности объекта, окружающий растительный и животный мир, вода и почва, посессивность, семья, вероисповедание, память, идеологические мотивы, этническая принадлежность*.

Дистрибуция топонимов по семантическим полям, деятельность различных уровней и типов сознания находятся в непосредственном взаимодействии и тем самым формируют семантическую системность топонимов.

Апеллятивная лексика, положенная в основу русских топонимов Восточного Забайкалья, представляет собой совокупность единиц, выражающих преимущественно физико-географические характеристики и характеристики объекта с позиции человеческой деятельности. Тематически эти группы соответствуют основным принципам номинации, функционирующим на исследуемой территории. Распределение по нижеследующим семантическим полям имеет условный

характер, так как один и тот же апеллятив в силу своей многозначности в равной степени может быть отнесен к нескольким полям.

<i>Семантическое поле</i>	<i>Мотивация выбора</i>	<i>Апеллятивная лексика</i>
Пространственные, цветовые и звуковые характеристики	Индивидуализирующие физические признаки	<i>Верхний, нижний, правый, восточный, южный, большой, маленький, хомут, первый, второй, три, сотня, желтый, золотой, серебряный, громкий, тихий, звенеть, шуметь</i>
Окружающий растительный и животный мир	Преобладание вида растения/животного	<i>Сосна, береза, лиственница, осина, ягода, черемуха, яблоня, трава, соболь, заяц, лось, кабан, тетерев, утка, зверь, медведь, волк</i>
Вода и почва	Водно-почвенное состояние территории	<i>Болото, кочка, камень, яма, песок, уголь, смола, солонец, руда, глина</i>
Отсутствие ценности объекта	Отсутствие указания на индивидуализирующие признаки объекта	<i>Без имени, неизвестный, ручей, ключ</i>
Время образования	Соотношение объектов по времени образования	<i>Старый, новый</i>
Семья	Ценность семьи	<i>Родственник, сестра, сестреница, сестричка, семья, кума, дед</i>
Этническая принадлежность	Национальность людей, имеющих отношение к объекту	<i>Русский, монгол, тунгус, бурят, москаль</i>
Идеологические мотивы	Идеологический настрой человека, связанный с процессами социального переустройства	<i>Комсомолец, пионер, большевик, мир, брат, единение, воля, заря</i>

Задействование апеллятивной лексики для формирования топонимов первых пяти семантических полей отражает одну из характерных черт номинации, а именно *позитивность*.

Признак территориальности топонимической системы предполагает обязательное рассмотрение таких пластов апеллятивной лексики, как географическая терминология и диалектная лексика.

Географическая терминология среди групп апеллятивной лексики – наиболее задействованный для номинации ресурс. Одним из факторов выявления данной группы лексики в составе топонимов явилась специфика освоения региона русскими переселенцами. В период освоения территории русские начинают контактировать с местным населением и обогащать свой лексический запас за счет языков бурят и эвенков. Русские брали из языка местного населения только то, что им недоставало в своем языке и было необходимо по условиям хозяйственного и бытового уклада жизни. Постепенно складывается система местных географических терминов для обозначения отдельных географических понятий. Анализ географической терминологии в составе русской топонимии Восточного Забайкалья проведен с двух позиций: 1) отапеллятивные названия, относящиеся к общерусской стандартной, литературно общеупотребительной; 2) отапеллятивные локальные названия, известные лишь в топонимии Восточного Забайкалья.

1. Гидрографические и орографические термины. На территории Забайкальского края 25% гидронимов и 40% оронимов образовались на базе географической терминологии, которая представлена двумя группами терминов: собственно-русскими и заимствованными.

Собственно-русская лексика включает в свой состав преимущественно общеупотребительную терминологию, характеризующую ландшафты, крупные элементы рельефа, водные объекты: р. *Ручей*, р. *Озерный*, оз. *Топь*, р. *Кручина*, р. *Каменка*, р. *Песчанка*, р. *Болотистый*, р. *Кочковатая*, р. *Моховая*, ур. *Гряды*, утес *Столбы*, ур. *Перевал*, г. *Стан*, ур. *Мыс* и т.д.

Анализ географической терминологии в составе гидронимов и оронимов позволяет сделать вывод, что собственно-русская терминология достаточно немногочисленна и носит общеупотребительный характер, а ареалы соответствующих топонимов относительно равномерно распределены по всей территории Восточного Забайкалья.

Образование гидронимов и оронимов является результатом «чистой онимизации» общеизвестного апеллятива-географического термина; «топонимическая метонимии + онимизации»; «словообразовательной трансформации + онимизации».

2. Топонимизированные термины, обозначающие названия населенных пунктов составляют 25% всех ойконимов региона. Из них 50% - собственно-русские по происхождению. Большинство наименований населенных пунктов повторяют названия водоемов и особенностей рельефа, т.к. в топонимической системе региона наименования давались по схеме = ороним → гидроним → ойконим

или гидроним → ойконим: руч./с. *Медвежий Ключ*, руч./с. *Тетеркин Ключ*, руч./с. *Заячий Ключ*. Русские по происхождению ойконимы, имеющие в основе географический термин, отражают особенности места расположения населенного пункта: пос. *Бухта*, пос. *Остров*, пос. *Пески*, пос. *Перевал*, пос. *Степь*; пос. *Шерловая Гора*, пос. *Восточный*, с. *Южное*, пос. *Глинка*, ст. *Кручина*, с. *Каменка*.

Диалектная лексика русских говоров Забайкалья – явление сложное, т.к. забайкальские говоры – говоры вторичного образования, сформировавшиеся на диалектной основе говоров европейской части России. Специфика диалектной лексики Восточного Забайкалья заключается в стремлении к большей детализации при обозначении, к повышенной конкретности диалектных наименований. Отсюда и большое разнообразие тематических групп диалектизмов: особенности и виды охотничьего промысла; золотой промысел; рыбный промысел; быт охотников; отношение местного населения к беглым каторжникам; быт каторжан; нравственная оценка человека и т.д.

Диалектные слова, входящие в состав топонимов, выступают на разных уровнях как фиксаторы видовых отличий объектов либо концентрации каких-либо признаков объектов; как указатель на расположенный рядом объект, т.е. участвуют в создании топонимической метонимии. При топонимизации региона используются такие диалектные слова и их производные, как *рассоха* (р. *Рассошина*), *талец* (руч. *Талец*), *иржавец* (руч. *Иржавчик*), *прорва* (р. *Прорва*), *старица* (р. *Старица*), *сор* (оз. *Сор*), *конда* (р. *Конда*), *мочище* (р. *Мочище*), *калтус* (руч. *Калтусный*), *гуджир* (оз. *Гуджир*), *аршан* (руч. *Аршан*), *голец* (р. *Гольцовая*), *байца* (г. *Байца*), *янки* (р. *Янки*), *солонец* (руч. *Солонцовый*), *ерник* (руч. *Ерничный*), *сохатый* (оз. *Сохатиное*), *кабарга* (р. *Кабаргина*), *увал* (р. *Уваллистая*), *елань* (р. *Елань*),

Рассмотрение отдиалектных топонимов позволяет сделать вывод о том, что 1) необходимость применения диалектного слова в качестве названия того или иного объекта возникает из-за увеличения конкретизирующих признаков объектов одного вида; 2) при номинации водных объектов диалектные слова используются для подробного называния ценностей отрицательного порядка; 3) значительное распространение гидронимов отдиалектного происхождения наблюдается в юго-западных районах Забайкальского края; 4) наибольшую продуктивность для данного региона имеют апеллятивы: *голец*, *байца/байса*, *янки*, *солонец*, *ерник*, *увал*, *крестовка*, *щель*, *елань*, *калтан*, *быки*, *валун*, *гребень*, *грива*, *гряда*, *коврига*, *колок*, *крестовка*, *останцы*, *плита/плитка*, *рассыпка/россыпь*, *становик*, *столбы*, *стрелка*, *талища*, *холуй*, *хола*, *щеки*.

Ойконимы, имеющие в своей основе географические термины, образованы от родовых терминов в результате топонимической метонимии: *Остров*, *Степь*, *Бухта*, *Пески*, *Перевал*, *Устье*, *Гора*, *Маяки*, *Болото*, *Тупик*.

В результате анализа топонимических материалов выделено 13 возможных вариантов бытования географических терминов (ГТ) в топонимии: 1) апеллятив с географической семантикой онимизируется и начинает функционировать в качестве топонима (р. *Елань*, ур. *Калтус*, ур. *Чертеж*); 2) ГТ в составе словосо-

четания (р. *Верхняя Коса*, р. *Восточная Солонцовая*, р. *Солонцовая Чичатка*, п. *Солонечный Долон*); 3) производные от ГТ (с. *Застень*, п. *Загрива*, р. *Крестовка*, г. *Становик*, руч. *Ерничный* р. *Подголецная*, р. *Подпорожная*) и т.п.

Топонимическая номинация, идущая от человека и его деятельности, теснее всего связана с личными именами, прозвищами, фамилиями, результатом чего является формирование антропотопонимов.

Имена собственные в процессе перехода в топоним представляют собой процесс трансонимизации, где мотивировкой выступает переосмысление существующего имени собственного. Процесс трансонимизации в большей степени представляет собой результат «смысловой мотивированности выбора» (Телия 1977) имени через осмысление уже существующего имени собственного. Прослеживается зависимость функционирования базовых имен собственных от семантического поля, объединяющего топонимы с соответствующей топоосновой.

<i>Семантическое поле</i>	<i>Мотивация выбора</i>	<i>Имена собственные</i>
Посессивность	Принадлежность	<i>Иван, Василий, Григорий, Никита, Макар, Николай, Андрей</i>
Память	Исторические события; деятельность известных людей; юбилейная дата	<i>Ленин, Калинин, Ульянов, Черский, Соловьев, Орлов, Кличка, Мацевский; 25 лет Советской Латвии, Победа, БАМ, Первое мая, Октябрь</i>
Вероисповедание	Имена святых; названия православных праздников	<i>Троица, Явление, Преображение, Николай-Чудотворец, Знамение, Воздвижение, Преображение</i>
Образность	Схожие физические параметры	<i>Сахалин, Камчатка, Москва, Париж, Байкал, Волга, Карпаты, Урал</i>

Ядерно-периферийные отношения антропонимии и топонимии (Супрун 2000) способствуют активизации процесса трансонимизации, что свидетельствует об антропонимозависимости при номинации географических объектов. Для исследуемого региона названная антропонимозависимость проявляется на более поздних этапах заселения местности. В топонимической системе Забайкалья антропотопонимы составляют около 27% всех русских наименований. Для местного населения традиция присвоения имени какого-либо объекта по антропониму была несвойственна. Основная масса подобных наименований появилась в местах, заселенных старообрядцами (семейскими).

Для Восточного Забайкалья в отличие от районов Западной Сибири характерно большое количество гидронимов и оронимов антропонимичного характера. Такое обстоятельство можно объяснить тем, что при заимочно-захватном землепользовании русские крестьяне запахивали земли, углубляясь в леса по рекам, где сразу же возникала необходимость в назывании реки, горы как приметы, знака, границы того или иного владения.

В лексико-семантическом плане среди антропотопонимов региона можно выделить семантические разновидности: фамилия/имя первопоселенца; фамилии/имена основных жителей, проживающих в течение длительного времени; фамилия/имя владельца; имена православных святых; фамилии выдающихся политических деятелей или деятелей культуры и искусства; фамилии исследователей и людей, внесших определенный вклад в развитие Забайкальского края.

Для данной территории характерны следующие обстоятельства ономастического взаимодействия: *посессиивность* (образование населенного пункта от имени/фамилии/прозвища его основателя); *меморативность* (номинация объекта именем в память о каком-либо выдающемся человеке); *событийность* (*ситуативность*) (объект наделен именем человека, с которым связано то или иное событие местного значения); *символичность* (*коннотативность*) (имя объекта употреблено либо в символическом, либо в «переносном» значении).

Рассмотрение антропонимичных образований проведено в двух направлениях: 1) образование антропотопонима от имени (фамилии); 2) образование топонима от искусственных фамилий, которые не могли иметь форму личного имени. Данная позиция обусловлена тем фактом, что крестьянство оставалось без официально закрепленных фамилий до конца XIX века.

К топонимам первой группы отнесены все образования от личных имен, включая дериваты от гипокористических, деминутивно-мелиоративных и пейоративно-аугментативных форм: Иван (Ваня, Ванька, Ванютка): г. *Ивановский Утес*, г. *Ивановская Горка* (27 ед.); Василий (Вася, Васька): р. *Васин Ключ*, р. *Васькина* (16 ед.); Григорий (Гриша, Гришка): оз. *Гришкино*, п. *Григорьевская* (12 ед.); Михаил (Миша, Мишка, Миня): руч. *Мишкин*, руч. *Михайловский* (16 ед.); Семен (Сеня, Сенька): руч. *Сенин*, с. *Семен* (13 ед.); Никита (Никитка, Никиша, Микита, Микиша): р. *Никитина*, г. *Никитиха* (12 ед.); Макар (Макарка, Макарий): р. *Макариха*, с. *Макарово* (10 ед.); Дмитрий (Митя, Митька, Митюха): руч. *Митюхин*, п. *Митькина* (10 ед.) и т.д.

Всего выделено 93 группы, включающие исходные имена: *Макар, Дмитрий, Николай, Сергей, Максим, Андрей, Егор, Петр, Кирилл, Захар, Савва, Павел, Алексей, Федор, Митрофан, Мирон, Кузьма, Прохор, Матвей, Фрол, Константин, Осип, Лукьян, Александр, Устин, Борис, Клим, Антон, Афанасий, Еремей, Кондрат, Яков, Ефим, Трофим, Никула, Роман, Родион* и т.д. Топонимы с данными основами отражают традиционные для XVII-XVIII вв. имена, имевшие распространение на всей территории России.

Женские имена, в отличие от мужских, в качестве основы для топонима употреблялись в исключительных случаях: в память о ком-то или в честь кого-то (мемориальные и событийные топонимы) и относятся к более позднему периоду

освоения Восточного Забайкалья: пос. *Жанна*, р. *Анушкина*, р. *Мария*, п. *Дарьина*, п. *Аленкина*, п. *Юля*, п. *Маланьина*, п. *Софья*, п. *Хавронья*, г. *Екатеринка*.

Для антропотопонимов характерны определенные словообразовательные модели. Выделены простые непроезводные и производные антропотопонимы, где наиболее типичны русские топонимические суффиксы *-ов(-ев-)*, *-ин-*, *-к-*, *-ск-*, *-овк(а)*, *-евк(а)*, *-инк(а)*, *-к(а)*, *-ск(ий)*, *-ск(ая)*, *-ск(ое)*: р. *Сергеевка*, р. *Барановка*, с. *Галкино*, с. *Зубарево*, руч. *Лукьяновский*, ур. *Васильевское* и др. Отдельную группу составляют антропотопонимы с формантом *-их(а)*. На территории Восточного Забайкалья подобные наименования встречаются достаточно часто: р. *Богодушиха*, п. *Антипиха*, г. *Демидиха*. Наиболее активна эта модель в гидронимии. Появление и распространение данной модели связано с местами проживания старообрядцев.

Сложные и составные антропотопонимы представляют собой образования с компонентом *ново-*, указывающие на очередную волну переселения на новые места: п. *Новоорловск*, с. *Новоильинск*, а чаще всего бывают определительными сочетаниями с согласованием: р. *Максимов Ключ*, р. *Мирошкин Ключ*, р. *Малая Оськина*, с. *Старое Макарово*, р. *Большой Алексей*.

Разнообразие форм бытования и словообразовательных моделей свидетельствует о том, что переселенцы стремились сохранить традиционные и привычные для них способы образования имени собственного, характерные для их прежнего места жительства.

Объяснение внутренней формы топонима возможно также при помощи фольклорного текста. Основа взаимодействия топонимической и фольклорной информации – **фольклорная ремотивация топонима**. Возникающий в результате фольклорной ремотивации текст является чаще всего топонимическим преданием, объясняющим происхождение географических названий.

Ситуации взаимодействия фольклорного текста и топонима сводятся к двум основным типам: 1) предание первично по отношению к топониму, мотивирует его; 2) предание вторично по отношению к географическому названию.

Анализ особенностей функционирования топонимической системы Забайкальского края позволяет выдвинуть предположение, что для собственно русских топонимов фольклорный текст является базой, мотивировкой географического названия. В заимствованных же топонимах предание помогает усвоить непонятное иноязычное слово, сделать его «своим», что можно назвать «фольклорной адаптацией» топонима.

К числу прагматических факторов, способствующих появлению легендарных мотивировок топонима, отнесены установки носителя традиции: установка познавательная (мемориально-посвятительная, объяснительно-адаптационная), «мнемотехническая» (Березович 2007). Объектные факторы, как правило, отражают особенности ландшафтных реалий.

Исторические топонимические предания, распространенные на территории Забайкальского края, наиболее часто соотносятся с топонимами более позднего периода заселения.

В качестве языковых механизмов формирования преданий выделены своеобразные смысловые блоки, соотносящие топонимы с преданиями.

<i>Смысловые блоки</i>	<i>Основа предания</i>	<i>Топонимы</i>
«Первопоселенцы»	Имена первых жителей или членов их семей	<i>Михайлово-Павловский, Бронниково, Митрофаново, Казаново</i>
«Историческое лицо»	Имена исторических личностей	<i>Калинино, Мацевская</i>
«Тяжелые условия жизни каторжан»	Народное переосмысления топонима как результат омонимии	<i>Кручина, Кличка</i>
«Конкретное событие и его участник»	Лица, проявившие себя в критической ситуации	<i>Жанна, Иван</i>

В процессе номинации все топонимы одной территории вступают в определенные системные взаимодействия. Функцию идентификации и дифференциации топонимы могут реализовывать при условии их **синтагматической и парадигматической организованности**.

Специфичность названных отношений в топонимии заключается в том, что ослабление связи собственных имен с понятием предполагает рассмотрение явлений синтагматики и парадигматики через призму понятий «поле», «номинативные дублиеты», «денотативное различие», «денотативная общность».

Под топонимической синтагматикой понимается сочетаемость слов в линейном ряду, где линейным рядом является общая территория, выступающая основным контекстом для определенной совокупности топонимов. Представленное данной системой синтагматическое единство (топонимический контекст) пронизывается в разных направлениях меньшими парадигматическими единствами, которые разделяют топонимическую систему на множество более тесно связанных между собой групп.

Единицы топонимической системы, сформировавшиеся в результате процесса естественной номинации, являются элементами одной знаковой цепи в сознании носителя языка. Следовательно, типы семантических отношений между апеллятивами, лежащими в основе топонимов, могут базироваться на следующих параметрах: 1) рефлексия характера восприятия; 2) общность свойств объектов; 3) семантические связи внутри парадигмы названий одного объекта; 4) территориальная общность функционирования той или иной модели.

Семантические основания парадигматических связей в классификации топонимов позволяют выделить следующие типы системных отношений: 1) синонимические; 2) антонимические; 3) омонимические; 4) мотивационные.

Синонимические отношения. Отсутствие связи с понятием у топонимов позволяет рассматривать данное явление с некоторой долей условности, а именно

с позиции тождественности объектов, отличительные признаки которых коррелируют, вступая в синонимические отношения. Синонимия в данном случае может анализироваться лишь на уровне семантической близости апеллятивов. Общность сознания при номинации объектов и идентичность свойств географических объектов являются главным критерием появления топонимических синонимов. Чаще всего варьирование лексем при номинации базируется на привлечении диалектной лексики, которая является преимущественно результатом метафорического переноса наименования. Так, признак воды «непроточность» способствует развитию синонимических отношений в ряду: руч. *Болотистый - Калтусный - Отстойный*. Синонимия в данном случае возникает только в процессе использования топонима в речи.

Причины возникновения топонимической многоименности свидетельствуют о неоднородности этого явления и позволяют отметить его отличительные черты.

1. Номинация одного и того же объекта может трансформироваться в зависимости от времени, т.е. хронологически (топонимы-переименования).

2. Явление полионимии может быть результатом «возрастного» фактора, при котором неофициальное наименование объекта отражает либо первоначальное владение объектом, либо более специфичный признак объекта.

3. Топонимы-синонимы, функционирующие в речи носителей языка, отражают прежде всего рефлексии на доминирующий признак объекта и являются «параллельными» названиями к закреплённому на карте топониму.

4. Названия одного синонимического ряда ограничены территориально, известны только в пределах одной административной единицы и функционируют преимущественно в речи носителей языка.

Антонимические отношения. Под антонимическими связями в топонимии понимаются отношения противопоставления, заложенные в семантике конкретных имен собственных. Эти противопоставления могут иметь различный характер: географические особенности местности, специфику номинируемого объекта, необходимость различения нескольких географических объектов: рр. *Левая Широкая – Правая Широкая*. Номинация объектов по доминирующему признаку на различных уровнях восприятия предполагает выделение оппозиций различного уровня: размер (*Большой - Малый*); форма (*Узкий - Широкий*); цвет (*Белый - Черный*); время (*Старый - Новый*).

Несмотря на возникновение антонимических отношений между апеллятивной лексикой, лежащей в основе топонимов, говорить о существовании лингвистической антонимии в сфере географических названий нельзя. Можно говорить лишь о наличии в топонимическом пространстве семантических комплексов топонимов, обозначающих пространственно соотнесенные (смежные) объекты и объединенные различными видами семантической связи; в этих комплексах находит отражение общность (или сопоставленность) свойств объектов (Березович 1998).

Омонимические отношения связывают топонимы, совпадающие в плане выражения, но не имеющие никаких языковых парадигматических связей с други-

ми топонимами. Так, топонимы р. *Сосновка*, г. *Сосновка*, пос. *Сосновка* можно относить к омонимам, так как они относятся к разным объектам и если функционируют на разных территориях. Использование подобных названий на территории одного района, села правомерно отнести к явлению топонимической метонимии. Омонимичные отношения часто подтверждаются топоконтекстами: «Солонцовых ручьев у нас по всему Забайкалью с сотню наберется».

Мотивационные отношения – это системные отношения между названием, которое содержит производящую основу (первичный репрезентант), и топонимами, мотивированными этим названием. В данном случае оппозиции по семантическому признаку противостоит оппозиция по используемым в топонимах формантам. Мотивационные отношения возникают в названиях, образованных в результате определенного уровня восприятия и взаимодействия с объектом, имеющих одну топооснову, но различающиеся топонимообразующим формантом: р. *Грязная* – *Грязнуха* – *Грязнушка*; р. *Черемуховая* – *Черемушка* – *Черемушная* – *Черемушковая* – *Черемушина*. Это варьирование не влияет на семантику топонима в целом, а только лишь отражает субъективное отношение человека к объекту.

В пятой главе «**Структурно-деривационный аспект русской топонимической системы Восточного Забайкалья**» описываются основные признаки номинативной ситуации, способствующие выявлению структурно-морфологической мотивированности топонимии региона, продуктивность русских суффиксов, способы образования топонимов.

Процессы возникновения топонимов в аспекте их деривации имеют немаловажное значение в процессе познания мира, так как «словообразование следует рассматривать как систему обеспечения потребностей в выделении и фиксации особых структур знания, в объективации и экстерииоризации интериоризованных концептуальных структур (ментальных репрезентаций опыта и знаний человека), т.е. их «упаковки» в языковые формы, отвечающие определенным формальным и содержательным требованиям» (Кубрякова 2004).

Каждая территория характеризуется разнообразием словообразовательных типов. Причинами преобладания тех или иных словообразовательных типов могут выступать факты истории, смена этнического состава, взаимодействие языков и диалектов. Процессы словообразования принимают участие в формировании языковой картины мира, в процессах когнитивной обработки поступающей к человеку информации.

Топонимическая деривация с позиции ономаσιологического подхода позволяет осуществить «моделирование топонимической номинативной ситуации, в которой должны быть учтены все специфические свойства топонимов как одного из разрядов имен собственных» (Воробьева 1985). Учет признаков топонимической ситуации, а также особенностей мировосприятия, мышления и эмоционально-экспрессивный фон позволяют рассмотреть процесс деривации с позиции отражения элементов языковой картины мира.

К компонентам номинативной ситуации мы отнесли следующие: *цель номинации, тип географического объекта, номинатора, историческое время, прин-*

ципы номинации, естественность/искусственность номинации, мотивированность имени, синтагматические и парадигматические связи.

Цель номинации – это своеобразный повод для создания нового имени. Основная цель наречения именем объекта – это индивидуализация объекта, которая выступает как ориентирующий знак и одновременно отражает те признаки, которые номинатор посчитал более актуальными при номинации объекта. Поводом для создания имени могут служить разные обстоятельства: отсутствие названия, неудачное старое название, возможность опознания обозначаемого объекта по определенным признакам и т.д. Нередко при создании имени преследуется несколько целей. Данный фактор взаимодействует со всеми компонентами номинативной ситуации; его можно отнести к базовому.

К **типу географического объекта** мы относим следующие параметры: вид объекта, физико-географические признаки, его назначение в жизни человека. При номинации для любого вида географической реалии существуют особенности как в выборе исходной топоосновы, так и словообразовательной модели.

В каждой топонимической зоне существует свой набор часто повторяющихся типовых и раритетных основ, которые в комплексе составляют топонимическое лицо зоны. Для Восточного Забайкалья характерно именование природных объектов по физико-географическим признакам. Так, основы, характеризующие физико-географические свойства объекта, используются при номинации в два раза чаще (351 основа), чем при отражении признаков прагматического отношения к объекту, культурно-идеологических аспектов жизни человека (164 основы), и представлены большим количеством регулярных образований: **сосн-** (р. *Сосновка*, руч. *Сосновый*, р. *Сосны*, хр. *Сосновая Стрелка*, г. *Сосновая Гривка*); **осин-** (р. *Осиновая*, п. *Осиновка*, р. *Осинячья*, р. *Осинниха*); **берез-** (р. *Березовка*, руч. *Березовый*, руч. *Березовский*, хр. *Березовая Грива*, г. *Березов Мыс*, п. *Березовый Лог*).

Тип объекта предполагает и учет словообразовательной модели. Ведущую роль здесь играет аффиксация. Наибольшую активность имеют суффиксы *-анск*, *-инск*, *-енск*, *-овск*, *-евск*, *-ов(а)*, *-ов(о)*, *-ев(а)*, *-ев(о)*, *-ин(а)*, *-ин(о)*. Достаточно продуктивна модель, где в одном названии объединяются два признака объекта (сложные и составные топонимы), что не противоречит целям номинации: расчлененность наименования позволяет отразить все важные для объекта признаки.

Количественное соотношение топоформантов, участвующих в номинации определенных типов географических объектов, свидетельствует о том, что для наименования рек и ручьев в Забайкалье предпочтение отдается суффиксам *-к/-овк/-евк/-ушк/-юшк/-енк/-онк/-инк*; *-ин/-ов/-ев (Р.п.)*; *-их*, с помощью которых образуются топонимы, указывающие на физико-географические признаки объекта и на отношение к человеку (посессивность): *Каменушка*, *Песчанка*, *Фомичевка*, *Слюдянка*, *Слюдянка*, *Никитина*, *Ушакова*, *Тринькин*, *Митюхин*, *Мишкина*, *Максимиха*, *Щеглиха* и т.д.

Номинатор как компонент номинативной ситуации - человек или коллектив людей, дающих название, а именно прежнее место жительства переселенцев, отношение к местному диалекту, эмоциональное восприятие.

Зависимость процесса топонимобразования от *номинатора* определяется в большей степени в образовании метафорических и эмоционально-оценочных топонимов. Использование тех или иных образов при номинации объектов отражает мировоззренческие установки номинатора в связи с номинативными установками. В качестве исходных топомоделей послужили в основном ассоциации с человеком (его качествами, внешним видом) и с предметами домашнего обихода: **дур-** (прот. *Дурная*); **пьян-** (пер. *Пьяный*); **плеш-** (г. *Плешатка*, п. *Плешивая*); **худ-** (р. *Худая*); **сирот-** (г. *Сиротинка*); **смирн-** (р. *Смирняга*); **суров-** (п. *Суровая*); **гвоздь-** (р. *Гвоздь*); **штан-** (оз. *Штаны*); **кочерг-** (р. *Кочерга*); **зарод-** (оз. *Зарод*); **стог-** (г. *Малый Стог*); **ложк-** (о. *Ложки*); **сапог-** (соп. *Сапог*) и др.

Зависимость выбора морфологической структуры топонима от человека наблюдается и при возникновении названий с уменьшительно-ласкательными или пренебрежительно-уничижительными суффиксами *-уг(а)*, *-яг(а)*, *-ул(я)*, *-ушк/а/*, *-юшк/а/*, *-оньк-*, *-еньк-*, *-очк/а/*: р. *Желтуга*, р. *Смирняга*, п. *Каменушка*, р. *Соловушка*, р. *Гнилушка*, р. *Красненькая*, оз. *Кругленькое*, р. *Еловочка* и т.п.

Личность именователя также проявляется в условиях искусственной номинации, когда человеку либо как первооткрывателю, либо по долгу службы приходится давать имена географическим объектам. В данном случае участие субъекта пересекается с таким компонентом, как *естественность/искусственность* номинативного процесса. Естественная номинация – процесс длительный, субъект часто не известен; созданные топонимы составляют многочисленные парадигматические ряды, имеют определенную мотивировку. При искусственной номинации процесс имеет разовый характер, автор часто известен документально; такие наименования несут печать искусственности и выпадают из функционирующей на данной территории топонимической системы. Подобные топонимы создаются геологами, географами, топографами. На карте Забайкальского края особняком стоят названия, присвоенные покорителями горных объектов: пер. *Новосибирцев*, пер. *Спартак*, пер. *Юбилейный*, пер. *Олимп*, пик *Гляциологов*, пер. *Балтийский*, пер. *25 лет Советской Латвии*, пик *Москва* и др. Данный фактор напрямую зависит от времени именователя объектов, т.к. искусственные имена – чаще всего самые поздние по времени образования.

К следующему компоненту номинативной ситуации правомерно отнести *«историческое время»*, а точнее конкретный хронологический отрезок со всем комплексом социально-исторических, экономических и культурных условий. В.А. Никонов назвал историчность топонимов основным законом топонимики, так как выбор признаков самого объекта определяется историческими условиями (Никонов 1965). Соответственно продуктивность той или иной модели при топонимобразовании варьируется в зависимости от времени заселения территории.

В XVII – XVIII вв. и вплоть до середины XIX в., во время первоначальной земельной колонизации, крестьяне селились в основном по рекам Ингоде и Шилке. Особая продуктивность притяжательных суффиксов была вызвана необходимостью указать в названии заимки, деревни имя владельца. В более поздний период ойконимы мотивировались уже несколько иными мотивами: церковные имена, социальное расслоение (*Воздвиженский, Покровский, Явленская, Казаковский, Поповский, Княже-Береговая, Княже-Поселье, Атамановск*). Притяжательные суффиксы начинают уступать свое место суффиксам *-к-, -ск-*.

Параллельно с учетом исторического времени стоит говорить об определяющих **принципах номинации**. Сформировавшись на определенном этапе освоения территории, принципы номинации выступают в качестве определенной нормы, которая вынуждает номинатора из множества признаков географической реалии выбирать соответствующие. В ранние периоды освоения исследуемой территории в качестве основных выступали принципы номинации объектов как результат перцептивно-эмоционального восприятия и восприятия объекта с позиции соответствия имени в социокультурном аспекте, а точнее «посессивные отношения». Принципы номинации становятся на определенном этапе формирования топонимической системы определяющими в аспекте регуляции выбора тех или иных признаков в качестве топонимической основы собственного.

Вторичность номинации, характерная для топонимии, предполагает использование лексических единиц, уже имеющих в словарном запасе языка. В данном случае проявляется зависимость принципа номинации от базового класса **мотивирующих слов**. Топонимы данного региона мотивируются тремя группами слов: апеллятивами, антропонимами, топонимами.

Такое распределение мотивирующей лексики для топонимов данного региона принципиально не отличается от других территорий России. Но в любом случае этот фактор является одним из ведущих в процессе номинации. Кроме этого, использование в качестве основы определенной единицы соответствующей группы диктует употребление соответствующего топоформанта. В результате возникают словообразовательные связи на уровне соотношения мотивирующего слова и аффикса, образующего топоним.

Апеллятив	<i>-ск-/инск-/анск-/енск-/овск-/евск-к-/овк-/евк-/ушк-/юшк-/енк-/онк-; -н-/нн-/енн-/ян-; -ов-/ев-/оват-</i>
Антропоним	<i>-ск-/инск-/анск-/енск-/овск-/евск-; -к-/овк-/евк-/енк-/онк-/инк-/анк-ово/-ево/-ино; -ова/-ина (Р.п.); -их-</i>
Топоним	<i>-ск-/инск-</i>

Новое название географического объекта рождается не изолированно: его значение во многом определяется формой и содержанием наименований рядом

расположенных объектов. Следовательно, *синтагматические и парадигматические связи* помогают выявить системные отношения в плане реального варьирования морфемы как на уровне отдельного топонима, так и на уровне топонимов одной территории.

Зависимость суффиксов от семантической принадлежности основы связана с процессом становления их в качестве топонимических моделей, т.е. морфема как двусторонняя единица языка предполагает возможность ее варьирования на уровне семантики. Исходя из этого, можно говорить о существовании парадигмы, представленной совокупностью соотнесенных семантических вариантов общего значения у разных морфем и объединяющей разные морфемы на базе их общего словообразовательного значения. Так, морфемы, имеющие варианты значений, могут быть членами не одной, а нескольких парадигм: суффикс *-ух-*, указывающий на значение «место по характерному признаку» (р. *Грязнуха, Громатуха, Сеннуха*) может входить в одну парадигму с суффиксом *-их-* (р. *Солончиха*). В то же время суффикс *-их-* имеет распространенное значение possessивности (рр. *Максимиha, Кузьмиha, Никишиha*), которого нет у суффикса *-ух-*. При этом каждый из вариантов морфемы выступает как дифференциальный семантический признак, указывающий на соответствующие ряды противопоставлений.

Таким образом, основой для существования парадигматических отношений на уровне морфемной организации топонимов является наличие общих семантических признаков в составе топонимов, позволяющих увидеть топонимообразующую системность данного региона.

С позиции синтагматических особенностей производящих основ и суффиксов, эти закономерности обусловлены структурными особенностями основы и типом географического объекта. Неслучайно при анализе одного типа объектов мы сталкиваемся с фактом наличия одноструктурных и одинаково семантически мотивированных имен, функционирующих на одной территории. Так, в Шилкинском районе населенные пункты образованы по модели с *-ово/-ево* (*Богомяково, Митрофаново, Казаново, Красноярово, Зубарево*), в Красночикийском районе предпочтение отдается моделям с *-ина/-ино* (*Ядрихина, Афонькина, Конкино, Сергино*), а в Оловяннинском районе ойконимы образованы в результате конверсии (*Степь, Ясная, Заря, Маяк*).

Названные составляющие номинативной ситуации не могут влиять на результат номинации изолированно, они взаимосвязаны и взаимодействуют между собой, причем влияние того или иного фактора номинации мотивирует большую или меньшую продуктивность определенной модели в производстве топонимов.

Обусловленность той или иной словообразовательной модели отражает общую тенденцию топонимообразования, так как для любой топонимической системы главной целью является создание оптимальной модели географического имени. Формирование русской топонимии края основывалось на традиционных способах, с преобладанием определенных словообразовательных типов.

Аффиксация – наиболее распространенный способ образования русских топонимов на исследуемой территории. В роли топонимообразующих и наиболее продуктивных суффиксов выступают следующие: *-к, -ск* с вариантами *–анск, -инск, -овск, -евск, -овк, -евк, -анк, -янк, -инк, -енк, -онк*; *-н* с вариантами *–нн, -енн, -ан/-ян*; *-их, -ин, -ов/-ев* (в посессивных наименованиях), *-ин, -ов/-ев* (в прилагательных); деминутивные суффиксы *–ушк/-юшк, -очк*. К разновидностям суффиксации отнесены следующие:

1. «Чистая» суффиксация (п. *Ключевская*, руч. *Сестринский*, р. *Сидорка*, п. *Сосновка*, с. *Николаевка*, п. *Каменушка*, р. *Еловочка*, оз. *Дорожное*).

Особое место занимают топонимы с суффиксами *-их-, -ух-, -ах-*, которые в настоящее время непродуктивны, но очень распространены на территории края. Наибольшее распространение получил суффикс *-их-*: гидронимы – 6,8%, оронимы – 10,8%. Данные топонимы функционируют исключительно в районах расселения старообрядцев; модель с суффиксом *-их-* закрепилась в Восточном Забайкалье в конце XVIII – начале XIX вв.

Наиболее специфична для русской топонимии Забайкальского края словообразовательная модель, включающая в себя суффиксы *-ов-, -ев-, -ин-* в сочетании с основами имен, прозвищ, фамилий в форме Р.п., реже – И.п.: оз. *Глазунова*, п. *Кирюшина*, г. *Лунина д. Александрова*.

Другие суффиксы имеют единичный характер. Активность их функционирования – от 1,3% до 0,1%: *-j-* (руч. *Медвежий*, р. *Волчья*, оз. *Гагарье*); *-ист-, -аст-* (р. *Гористая*, р. *Каменистая*, оз. *Тенистое*); *-ик-, -овик-, -ник-* (руч. *Жердовик*, п. *Роговик*, утес *Полосатик*); *-ец-, -иц-, -ниц-, -инец-* (ур. *Зверинец*, утес *Железница*); *-иц(е)* (ур. *Стрельбище*, п. *Городище*); *-уч-* (р. *Колосучая*, р. *Гремучая*); *-уг(а), -яг(а), -як-, -щик-, -б(а), -уш(а), -ул(я), -ат-, -ун-, -ок-* – каждый в отдельности входит в состав не более 0,1% топонимов (р. *Желтуга*, р. *Смирняга*, г. *Листвяк*, г. *Каменщик*, ур. *Городьба*, п. *Волокуша* и под.).

2. Префиксация; префиксация + суффиксация. Эти типы словопроизводства для исследуемого региона не отличаются продуктивностью; модели общестандартны (р. *Загорная*, пос. *Запокровский*, п. *Закамень*, р. *Пограничная* и др).

Сращение. Выделение данного способа мотивировано тем, что модели топонимов типа *Закамень, Застень, Засопка* и т.п. нельзя отнести к чистой префиксации. В этом случае уместно говорить о сращении имени с предлогом с утратой флексии косвенного падежа. Распространение этих моделей топонимов в Белоруссии, в Литве и на Западной Украине является подтверждением стремления переселенцев использовать привычные им словообразовательные модели при номинации объектов.

Сложение. Для данной территории этот способ более распространен среди ойконимов (10,4%). Для каждого вида топонимов характерна своя разновидность способа сложения: «чистое» сложение (хр. *Солнопек*, п. *Дроводел*, пос. *Золотоноша*, г. *Большегор*), наиболее распространенное среди оронимов и частично среди ойконимов; 2) сложение + суффиксация (пос. *Ясногорск*, пос. *Золотореченск*, пос. *Новокозловск*, п. *Большелужная*, руч. *Редколесный* и др.).

Соположение. Сюда отнесены слова типа юкстапозита, которые полностью тождественны по своему морфемному составу словосочетанию. Отношения между компонентами соответствуют отношениям внутри производящих синтаксических соединений. Для русской топонимии Восточного Забайкалья характерны аппозитивный тип (с. *Аксеново-Зиловское*, пос. *Чернышевск-Забайкальский*, гор. *Петровск-Забайкальский*), нумеративный тип (р. *Двенадцать Ключей*, п. *Две Речки*, пер. *Семь Гномов*, г. *Три Брата*, пер. *Три Жандарма*), детерминативный тип (р. *Устье Тамары*, с. *Усть-Горбица*, с. *Усть-Зубковкаи* др.).

Конверсия. Данный способ, предполагающий акт перехода апеллятива в название, приводит к десемантизации исходного слова. Процесс перенесения имени с одного объекта на другой можно считать «опосредованной номинацией», а образование новых имен является проявлением принципа языковой экономии. В зависимости от типа основы (производная/ непроизводная), ее грамматических признаков выделено пять моделей топонимов-конверсивов: ур. *Гряды*, утес *Столбы*, р. *Лужки*, оз. *Ямки*, р. *Мир*, р. *Ключ*, ур. *Заповедник*, хр. *Становик*, оз. *Кривое*, р. *Глухая*, соп. *Толстая*, д. *Чистая*, ст. *Ясная*. Для русской топонимии Восточного Забайкалья конверсия – один из самых распространенных способов образования топонимов.

«Чистая» трансонимизация. Необходимость выделения данного способа образования топонимов вызвана тем, что эти топонимы образовались от имен собственных, следовательно, их нельзя отнести к конверсии; семантическое переосмысление исходных имен собственных говорит об их трансонимизации. В результате любого вида трансонимизации наблюдается переход топонимов одного разряда в другой: а) антропоним в форме ед.ч.: *Алексей*, оз. *Иван*, руч. *Семен*, руч. *Яков*, р. *Ларион*, г. *Ермол*, п. *Юля*, п. *Софья*, с. *Авдей*, пос. *Жанна*, с. *Акима*; б) топоним в форме ед. и мн.ч.: оз. *Сахалин*, оз. *Байкал*, п. *Алтай*, ур. *Карпаты*, пер. *Москва*, п. *Камчатка*, п. *Волга*.

Сочетание основ. К этому типу топонимического словообразования относятся составные топонимы, включающие сочетание двух и более слов с сочинительной и подчинительной связью компонентов, которые выступают как структурное целое, с единой номинативной функцией.

В топонимии Восточного Забайкалья все составные топонимы представляют собой отапеллятивные и отантропонимные образования. В роли так называемых вспомогательных компонентов топонимов первой группы выступают чаще всего прилагательные, служащие либо для дифференциации однородных названий, либо для указания на признак того или иного объекта относительно первично названных объектов. Подобные составные словосочетания практически всегда образуют оппозицию, включающую два, три и более компонентов: р. *Ключи – Правые Ключи – Левые – Ключи – Средние Ключи*, р. *Калтусная – Малая Калтусная – Большая Калтусная*. В свою очередь, отантропонимные образования не образуют «опозиционные» ряды, т.к. антропоним, входящий в их состав, выступает как основной, так как указание на принадлежность объекта для того времени выполняло более важную роль, нежели указание на тип объек-

та: р. *Мирошкин Ключ*, р. *Назаровский Ключ*, р. *Евсеева Южная*, ур. *Климов Рукав*, г. *Сенькин Столб*. Всего выделено 11 моделей составных топонимов: р. *Второй Ключ*, п. *Первая Ерничная*, р. *Глухая Падь*, р. *Малые Сестры*, р. *Правая Широкая*, р. *Тимохин Ключ*, п. *Правая Пешкова*, р. *Ближняя Амодовка*, ур. *Михайловские Поля*, р. *Зимний Горячий Ключ*, ур. *Ягодник Марь*.

Структурно-словообразовательная характеристика русских географических наименований Восточного Забайкалья позволяет сделать выводы о продуктивности определенных словообразовательных типов в топонимии региона: топонимы, образованные в результате суффиксации, конверсии, а также топонимы, образованные путем сочетания двух и более слов с сочинительной и подчинительной связью компонентов.

В **заключении** представлена интеграция всех выводов, позволяющих выделить наиболее важные моменты, раскрывающие основные специфические черты русской топонимии Восточного Забайкалья.

Предпринятое описание русской топонимии Восточного Забайкалья с позиции системного подхода, включающее культурно-исторические, когнитивные, семантические и структурные аспекты, позволило выявить специфику сложившейся топонимической системы во всех ее проявлениях, так как формирование любой топонимической системы есть результат взаимодействия различных факторов: местных географических условий, этнического состава территории, особенностей мировосприятия человека, исторических событий, которые могут быть учтены и проанализированы лишь при интеграции различных аспектов любого ономастического исследования.

Основные научные результаты диссертации отражены в следующих опубликованных работах:

Монографии, учебно-методические пособия, справочные материалы:

1. Федотова Т.В. Словарь топонимов Забайкалья. – Чита: Изд-во «Поиск». - 2003. - 127 с. (7,4 п.л.).
2. Федотова Т.В. Региональная топонимика. Формирование топонимии Восточного Забайкалья // Учебное пособие для спецкурса. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ. - 2007. - 117 с. (6,8 п.л.).
3. Федотова Т.В. Концептуальный мир топонимического пространства Забайкальского края: Материалы к концептуально-топонимическому словарю.- Чита: Изд-во ЗабГГПУ. - 2009. - 136 с. (7,9 п.л.).
4. Федотова Т.В. Русская топонимия Забайкальского края: формирование, семантика, функционирование. Монография. – Новосибирск: Изд-во «Наука». - 2010. - 242 с. (16,0 п.л.).

**Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных
журналах, рекомендованных ВАК**

5. Федотова Т.В. Адаптация иноязычных топонимов русскими первопоселенцами в период освоения Восточного Забайкалья // Вестник ННГУ: Изд-во ННГУ. - 2007- № 6. - С. 256-259 (0,5 п.л.).
6. Федотова Т.В. Метафора в топонимии // Русская речь.- 2008. - № 3. - С. 90-93. (0,4 п.л.)
7. Федотова Т.В. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья // Вестник ТГУ: Изд-во ТГУ. - 2008. - № 309 (2). - С. 112-116 (0,5 п.л.).
8. Федотова Т.В. Специфика метафорических топонимов в аспекте восприятия мира человеком // Вестник Воронежского государственного университета: Изд-во ВГУ. – 2008. - № 2. – С.44-48 (0,4 п.л.).
9. Федотова Т.В. Русская топонимия Восточного Забайкалья в XVII XIX веках: общая характеристика и предпосылки формирования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Серия «Общественные и гуманитарные науки»: Изд-во РГПУ. - 2008. - №12(84). - С. 181-188 (0,5 п.л.).
10. Федотова Т.В. Экспликация концептов *время* и *число* по топонимическим данным Забайкальского края // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: Изд-во ПомГУ. - 2008. - №14. - С.269-275 (0,4п.л.).
11. Федотова Т.В. Восприятие мира человеком в аспекте топонимизации географического пространства (на материале русской топонимии Восточного Забайкалья) // Известия ВГПУ. Серия «Филологические науки»: Изд-во ВГПУ. - 2009. - №5(39). - С. 87-90 (0,4 п.л.).
12. Федотова Т.В. Репрезентация концепта *пространство* по топонимическим данным Забайкальского края // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика»: Изд-во РУДН. - 2009. - №3. - С. 91-98 (0,4 п.л.).
13. Федотова Т.В. От Плотбища к Чите // Русская речь. - 2010. - №4. - С. 105-109 (0,3 п.л.).
14. Федотова Т.В. Региональная топонимика на уроках русского языка // Русская словесность. - 2010. - №4. - С. 17-19 (0,3 п.л.).
15. Федотова Т.В. Анализ деривационных связей топонимии Забайкальского края // Вестник ИГЛУ. Серия «Филология»: Изд-во ИГЛУ. - 2011. - №2(14). - С.197-203 (0,5).
16. Федотова Т.В. Компоненты номинативной ситуации с позиции топонимической деривации (на материале русской топонимии Восточного Забайкалья) // Известия ВГПУ. Серия «Филологические науки»: Изд-во ВГПУ. - 2011. - №5(59). - С. 63-67 (0,5).
17. Федотова Т.В. Моделирование номинативной ситуации в топонимической деривации // Филологические науки. - 2011. - №4. - С.74-84 (0,5).

18. Федотова Т.В. Агафониха, Свербилица ... в Забайкалье // Русская речь. - 2011. - №6. - С.87-90 (0,3).

Статьи в других научных изданиях

19. Федотова Т.В. Явление субстрата в топонимии Забайкалья // Материалы региональной научно-практической конференции «Лингвистическое краеведение Забайкалья». – Чита: Изд-во ЗабГПУ. - 1998. - С. 12-13 (0,2).
20. Федотова Т.В. К вопросу о создании топонимического словаря Забайкалья // Лингвистический ежегодник Сибири. Ч.1. - Красноярск: Изд-во КГУ. - 1999. - С. 15-16 (0,2).
21. Федотова Т.В. Описание топонимии Забайкалья как специфической системы онимов // Материалы международной научно-практической конференции «Лингвистическое наследие И.А.Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия». – Красноярск: Изд-во КГУ. - 2000. - С.111-112 (0,2).
22. Федотова Т.В. Информационный потенциал топонимов // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Национальный язык: региональные аспекты». – Чита: Изд-во ЗабГПУ. 2001. - С. 136-138 (0,2).
23. Федотова Т.В. К проблеме актуальности составления словаря топонимов Забайкалья // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.И.Срезневского «И.И.Срезневский и современная славистика: наука и образование». – Рязань: Изд-во РГУ. - 2002. - С.172-173 (0,2).
24. Федотова Т.В. Гидронимия Забайкалья как часть региональной топонимической системы // Межвузовский сборник научных трудов «Единицы языка и речи: структура, семантика, функция». - Тула, 2002. - С. 55-60 (0,5).
25. Федотова Т.В. Региональный компонент в преподавании русского языка (на топонимическом материале) // Филологическое образование в вузе и школе: традиции и перспективы // Материалы региональной научно-методической конференции. – Чита: Изд-во Забгпу. - 2002. - С. 58-61 (0,2).
26. Федотова Т.В. Лингвистическое краеведение Читинской области. Национально-региональный компонент государственного образовательного стандарта основного общего образования по русскому языку // Лингвистическое краеведение Читинской области. Национально-региональный компонент государственного образовательного стандарта основного общего образования по русскому языку. Программный комплекс. – Чита: Изд-во ЗабГПУ. - 2003 (0,3) (в соавторстве).
27. Федотова Т.В. Лексико-семантические группы топонимов эвенкийского происхождения на территории Забайкалья // // Материалы региональ-

- ной научно-методической конференции «Филологическое образование в вузе и школе: традиции и перспективы». – Чита: Изд-во ЗабГПУ. - 2003. - С. 56-59 (0,2).
28. Федотова Т.В. Топонимия Забайкалья. Программа элективного курса для учащихся 7-9 классов // Сборник программ элективных курсов гуманитарного профиля: Практическое пособие для учителей. – Чита: Изд-во ЧИПКРО. - 2004. - С. 18-22 (0,3).
29. Федотова Т.В. Стимулирование познавательной деятельности учащихся на основе регионально-топонимического материала // Материалы международной научно-практической конференции «Традиции и инновации: проблемы качества образования». – Чита: Изд-во ЗабГПУ. - 2005. - С.125-127 (0,2).
30. Федотова Т.В. Диалектная лексика как источник возникновения топонимов (на материале топонимии Восточного Забайкалья) // Материалы X Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». – Уфа: Изд-во БГПУ. - 2006. - С.179-183 (0,3).
31. Федотова Т.В. Словообразовательная структура названий населенных пунктов Восточного Забайкалья в 19 веке // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Русские народные говоры: история и современность». – Арзамас: Изд-во АГПИ. - 2006. - С.242-243 (0,2).
32. Федотова Т.В. К вопросу о русской топонимии Восточного Забайкалья // Материалы V Всероссийской научной конференции «Проблемы региональной ономастики». – Майкоп: Изд-во АГУ. - 2006. - С.154-155 (0,2).
33. Федотова Т.В. Географическая терминология в составе гидронимической системы Восточного Забайкалья // Материалы III Международной научной конференции «Славянская ономастика в этимологическом, хронологическом и ареальных аспектах». - Гомель, 2006. - С.77-80 (0,3).
34. Федотова Т.В. Региональная топонимика как одно из направлений по реализации регионального компонента // Педагогическое обозрение. Научно-методический журнал. – Чита. - № 4. - 2007. - С.17-19 (0,3).
35. Федотова Т.В. Основные направления по реализации регионального компонента в преподавании русского языка при изучении региональной топонимики // Материалы Российской научно-практической конференции «Лингводидактические новации: опыт и перспективы, разработки и внедрения». – Чита: Изд-во ЗабГПУ. - 2007. - С.114-119 (0,3)
36. Федотова Т.В. Роль этнопонимов в отражении исторического прошлого Восточного Забайкалья // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты // Материалы 1-ой Международной научной конференции. – Чита: Изд-во ЗабГПУ. - 2007. - С. 299-302 (0,3).
37. Федотова Т.В. Топонимическая система Восточного Забайкалья (в статье «Содержание компетенций по национально-региональному компоненту лингвистического образования») // Регионализация образования

- (на примере Забайкалья). – Чита: Изд-во ЗабГГПУ. - 2007. - С.170-183 (0,3) (в соавторстве).
38. Федотова Т.В. Роль антропонимов как источника топонимической номинации (на материале топонимов Восточного Забайкалья) // Материалы Международной научной конференции «Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы». – Волгоград: Изд-во ВГПУ. - 2007. - С.99-100 (0,3).
39. Федотова Т.В. Ономастическое пространство топонимических преданий // Имя. Социум. Культура // Материалы Международной II-ой Байкальской ономастической конференции. - Улан-Удэ: Изд-во БГУ. - 2008. - С. 221-223 (0,3).
40. Федотова Т.В. Топонимическая номинация и топонимические предания: специфика взаимодействия // Живое слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 1 / Под ред. Е.В.Брысиной, В.И.Супруна. - Волгоград: ВГИПК РО. - 2008. - С.41-45 (0,3).
41. Федотова Т.В. Роль антропонимов как источника топонимической номинации (на материале топонимов Восточного Забайкалья) // Материалы региональной научной конференции «Проблемы исторической и современной русистики». – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ. - 2008. - С. 42-46 (0,3).
42. Федотова Т.В. Когнитивно-прагматический аспект русской топонимии абайкальского края // Материалы II Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия и славянский мир: новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике». - Кемерово, 2009. - С. 89-93 (0,3).
43. Федотова Т.В. Топонимизация географического пространства с позиций когнитивно-прагматического подхода (на материале русской топонимии Забайкальского края) // Материалы Тверской международной научно-практической конференции «Стратегии исследования языковых единиц». - Тверь, 2009. - С. 349-355 (0,4).
44. Федотова Т.В. Своеобразие диалектной лексики как источника топонимической номинации // Живое слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 2 / Под ред. Е.В.Брысиной, В.И.Супруна. - Волгоград: Изд-во ВГАПК РО. - 2009. - С. 14-17 (0,2).
45. Федотова Т.В. К вопросу взаимодействия диалектной лексики и топонимии // Филологическое образование в вузе и школе: история и современность // Материалы региональной научно-методической конференции «Филологическое образование в вузе и школе: история и современность». – Чита: Изд-во ЗабГГПУ. - 2009. - С. 189-193 (0,3).
46. Федотова Т.В. Репрезентация концептуальных категорий *время* и *число* в топонимическом пространстве Забайкальского региона // Материалы II-ой Международной научной конференции «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты». - Чита: Изд-во ЗабГГПУ. - 2009. - С. 348-352 (0,3).

47. Федотова Т.В. Влияние переселенческого движения на формирование русской топонимической системы Восточного Забайкалья // Живое слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3 / Под ред. Е.В.Брысиной, В.И.Супруна. - Волгоград: изд-во лицея №8 «Олимпия». - 2010. - С. 60-65(0,3).
48. Федотова Т.В. Топонимическая деривация и номинативная ситуация // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты // III-я международная научная конференция. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ. - 2010.- С. 313-320 (0,5).
49. Федотова Т.В. Категоризация топонимического пространства как рефлексия характера восприятия // Проблемы прикладной лингвистики // Международная научно-практическая конференция. - Пенза, 2010. - С. 260-262 (0,2)
50. Федотова Т.В. Синтагматические и парадигматические отношения в топонимии (на материале топонимии Восточного Забайкалья) // Живое слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3 / Под ред. Е.В.Брысиной. - Волгоград: изд-во лицея №8 «Олимпия». - 2011. - С. 12-16 (0,3).